

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Е. Сергеевскаго.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ ТЕАТРѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

АКТЕРЫ:

ГРАФЪ ДЕ-ВЕРЬЕРЪ , генераль	<i>Г. Каратыгинъ 4.</i>
ГАСТОНЪ , поручикъ африканскаго егерскаго полка, сирота усыновленный графомъ	<i>Г. Максимовъ.</i>
ФРЕДЕРИКЪ БЕРНЕ , докторъ	<i>Г. Самойловъ.</i>
АМАЛІЯ , жена генерала	<i>Г-жа Лилъева.</i>
ЮЛІЯ , сестра Фредерика	<i>Г-жа Душкина.</i>
ГОСПОЖА ДЕ-ВАЛОРИ	<i>Г-жа Самойлова 2</i>
АНАТОЛЬ ДЕ-СРЕЗИ , ея двоюродный братъ	<i>Г. Мартыновъ.</i>
АНТОНЪ , отставной солдатъ, въ услуженіи у генерала	<i>Г. Григорьевъ.</i>
РОЗА	<i>Г-жа Васильева.</i>

Крестьяне и крестьянки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ, направо бесѣдка, направо скамья подъ навѣсомъ, вдаль видѣтъ замокъ.

I.

ГАСТОНЪ, ЮЛІЯ, АМАЛІЯ, ГРАФЪ. Они сидятъ за столомъ, близъ бесѣдки, **АНТОНЪ** подаетъ послѣ завтрака кофе и уходитъ въ бесѣдку.

ГРАФЪ. Ну, Гастонъ, ступай, отдохни мой милый; проскакавъ двѣсти миль нужно отдохнуть, дамы извинятъ тебя ... иди спать, до свиданія.

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, батюшка, я еще никогда не былъ такъ бодръ, какъ сегодня; напротивъ, я хочу дождаться моего друга Фредерика; время незамѣтно пройдетъ въ разговорѣ съ дамами и и съ вами. Да такія-ли поѣздки случалось мнѣ дѣлать въ Африкѣ, и я, какъ вы видите, совершенно здоровъ. Снѣгъ, дождь, распутица, за обѣдомъ и ужиномъ рисовая каша да мѣткій выстрѣлъ бедуина изъ-за куста, вотъ какова была наша обычная жизнь, и по возвращеніи, мы не имѣли въ виду роднаго крова, а теперь у насъ въ домѣ веселѣе, пріятнѣе и лучше, чѣмъ было до моего отъѣзда (*Амалии*). Да, графиня, вы оживили наше семейство вашею молодостію и красотою; съ вами, съ Юліей, съ Фредерикомъ я буду счастливѣйшимъ изъ людей. Рѣшено, мнѣ здѣсь хорошо — и я остаюсь (*пожимаетъ руку Юліи*).

ГРАФЪ. Лѣнтяй! что-бы ты сказалъ въ наше время, когда случилось намъ дѣлать переходы отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга. Ты думаешь, что я въ наслажденіяхъ и нѣгѣхъ выслужилъ себѣ эти

эполеты? Правду сказать, нынѣшняя молодежь не стоитъ насъ, въ ея жилахъ течетъ не кровь, а вода.

ЮЛІА. Ахъ! что вы это.

АМАЛІА. Вы совсѣмъ не любезны; взгляните на бѣдную Юлію, какъ она покраснѣла. Вы утомились ... такъ и отдохайте ... не такъ — ли?

ГРАФЪ. Ну, Гастонъ, какіе у тебя защитники!.. мнѣ приходится молчать (*въ полголоса*). Какъ ты ее находишь?

ГАСТОНЪ (*въ полголоса*). Прелесть!

АМАЛІА. Что вы говорите?

ГРАФЪ. Мы говоримъ, что вы прелестны!

АМАЛІА. А!..

ГАСТОНЪ. Кстати! Я даже не успѣлъ спросить у васъ: какъ вы располагаете вашимъ временемъ, есть-ли здѣсь охота, сосѣди, билліардъ?

АМАЛІА. Какъ-же, все есть, а хотите знать, какъ мы проводимъ время, такъ слушайте.

ГРАФЪ. Начинается съ того, что утромъ встаютъ рано.

АМАЛІА. Позвольте, я здѣсь хозяйка и по этому предоставляю себѣ право занимать мосьё Гастона: онъ мой гость...

ГРАФЪ. Правда!

АМАЛІА. У насъ, какъ говоритъ мужъ, встаютъ или рано, или поздно, кому какъ нравится; въ одиннадцать часовъ завтракаютъ, въ шесть обѣдаютъ. До обѣда полная свобода. Юлія занимается музыкою, я рисую, графъ читаетъ газеты, а вы будете охотиться, ловить рыбу, читать, писать и никто вамъ не помѣшаетъ. За это вы обязаны удѣлить намъ весь вечеръ. Развѣ этого много?

ГАСТОНЪ. Напротивъ, слишкомъ мало.

АМАЛІА. Опять комплиментъ!

ГАСТОНЪ. Совсѣмъ нѣтъ! Я вамъ говорю всю правду.

ГРАФЪ (*къ Амаліи*). А! дружокъ мой, каково я восхиталъ молодца?

ГАСТОНЪ. А кстати, кто ваши сосѣди?... Вы мнѣ про нихъ еще не сказали ни слова!

АМАЛІА. Наши сосѣди, — меръ и приходскій священникъ; но мой мужъ въ своихъ мнѣніяхъ съ ними не сходится, и потому у нихъ постоянные споры.

ГАСТОНЪ. Кто-же у васъ бываетъ?

АМАЛІА. Мадамъ де-Валори, съ которой я вмѣстѣ во питывалась, двоюродный ея братъ, Анатолий де-Срези.

ГАСТОНЪ. Чѣмъ онъ занимается?

ГРАФЪ (*вставая*). Поетъ романсы!

ГАСТОНЪ. Полезно.

АМАЛІЯ. Вотъ наши знакомые; признаюсь вамъ, я очень рада, что ихъ мало: Миѣ нравится уединенная жизнь, она нравится также мужу, нравится Юліи, и мы живемъ здѣсь спокойно, не заботясь о свѣтѣ.

ЮЛІЯ. Любите-ли вы выѣзжать?

ГАСТОНЪ. А вы?

ЮЛІЯ. Я? нѣтъ ...

ГАСТОНЪ. И я терпѣть не могу.

ЮЛІЯ (*улыбалась*). А!

ГРАФЪ. Добрый знакъ, мы васъ скоро женимъ.

ГАСТОНЪ. А гдѣ Фредерикъ? Мы о немъ и забыли. Что онъ, подѣлываетъ?

АМАЛІЯ. Мг. Берне?.. я полагаю, что онъ занятъ своими книгами.

ГАСТОНЪ. Добрый другъ, неужели онъ лишился всей своей практики, что перѣхалъ къ вамъ?

ГРАФЪ. Совсѣмъ нѣтъ, я его насильно затащилъ... я ему обязанъ болѣе, чѣмъ жизнию: я обязанъ ему жизнию моей жены, и съ этого времени, Гастонъ, твой другъ и его сестра — миѣ родные, а притомъ и уединеніе наше не бесполезно для него. Берне готовится къ экзамену на профессора медицины.

ГАСТОНЪ. И хорошо дѣлаетъ; Фредерикъ достойный молодой человекъ, при всей своей веселости, онъ очень ученъ. Какъ-бы миѣ хотѣлось поскорѣй его видѣть ... Да зачѣмъ - же онъ поѣхалъ въ Парижъ?...

ГРАФЪ. Хлопочетъ, кажется, но какой-то запутанной тяжбѣ; впрочемъ, онъ скоро воротится ... да вотъ ... чуть-ли и не онъ идетъ... кажется онъ ... такъ и есть!..

АМАЛІЯ (*всторону*). Боже мой!

II.

ГРАФЪ. ФРЕДЕРИКЪ, ГАСТОНЪ, ЮЛІЯ и АМАЛІЯ.

ГАСТОНЪ. Это ты ... Фредерикъ! какъ я радъ тебя видѣть ... (*обнимаетъ его*).

ФРЕДЕРИКЪ. Здравствуй, Гастонъ!.. ты загорѣлъ отъ африканскаго солнца и похорошѣлъ.

ГРАФЪ. Не правда-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Да, графъ: (*жметъ ему руку, кланяясь Амаліи*).
Графиня!... (*Юліи*) Здравствуй, сестра ... (*цѣлуетъ Юлію въ лобъ*).

ЮЛІЯ (*въ поглоса*). Какъ я счастлива, Фредерикъ!

ФРЕДЕРИКЪ (*такъ-же, улыбаясь*). Что меня видишь?

ЮЛІЯ (*также*) Да, тебя и другаго ...

ГАСТОНЪ (*Фредерику*). Знаешь-ли что ... я нахожу, что ты очень похудѣлъ ...

ФРЕДЕРИКЪ. Можетъ быть; я очень занятъ.

ГАСТОНЪ. А я, братецъ, совсѣмъ одурѣлъ въ Африкѣ.

ФРЕДЕРИКЪ. Что ты говоришь!

ГАСТОНЪ. А знаешь ... ты очень хорошо сдѣлалъ, что поселился здѣсь ... я беру на себя половину признательности и мы не разстанемся, не правда-ли?.. Я женюсь, ты женишься, мы женимся, и будемъ себѣ жить такъ счастливо, какъ никто на свѣтѣ.

ФРЕДЕРИКЪ. Съ ума ты сошелъ?

ГАСТОНЪ. Совсѣмъ нѣтъ ... а вы, графиня, что на это скажете?

АМАЛІЯ (*въ замѣтательствѣ*). Разумѣется ...

ГРАФЪ. Гастонъ правъ, любезный докторъ ... истинное счастье заключается только въ семейной жизни; взгляните на мою жизнь. (*Амалія дѣлаетъ движеніе*).

ФРЕДЕРИКЪ (*въ поглоса*). Правда! ваша супруга выше совершенства.

ГРАФЪ. Хорошо. Мы объ этомъ подумаемъ. (*Идетъ съ Гастономъ къ среднему выходу, Юлія приближается къ столу*).

ФРЕДЕРИКЪ (*тихо Амаліи*). Будьте осторожны!

АМАЛІЯ. Зачѣмъ вы воротились, Фредерикъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Я не могу жить безъ васъ!

АМАЛІЯ. Вы меня погубите!..

ГРАФЪ (*со смѣхомъ*). Что вы, докторъ ... за моею женою ухаживаете?

ФРЕДЕРИКЪ. Почему нѣтъ, графъ.

АМАЛІЯ. Юлія! кажется, мы собирались дѣлать визиты.

ЮЛІЯ. Точно ... я и забыла.

ГАСТОНЪ. А позвольте спросить, куда вы изволите ѣхать?

ГРАФЪ. Къ бѣднымъ, которые все ея благословляютъ; жена объ этомъ не говоритъ, но посвящаетъ на это большую часть своего времени. Пойдемъ, милая Амалія, и я прибавлю отъ себя къ твоему подаянію. Сынъ мой возвратился, я счастливъ ... хочу, чтобъ все радовались!

ГАСТОНЪ. Мой благодѣтель!

ГРАФЪ (*пожимая ему руку*). Гастонъ, я скоро приду, подожди меня ... (*Поклоны съ той и другой стороны. Графъ, Амалия и Юлія входятъ въ бесѣдку*).

III.

ФРЕДЕРИКЪ, ГАСТОНЪ.

ГАСТОНЪ (*закуриваетъ сигару, Фредерикъ садится*). Скажи мнѣ, Фредерикъ: видѣлъ-ли ты когда — нибудь человѣка благороднѣе графа, человѣка, который, въ его лѣта, былъ-бы такъ молодъ умомъ и сердцемъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Точно, онъ похожъ на молодаго человѣка.

ГАСТОНЪ. Знаешь-ли, мнѣ не разъ приходило въ голову, что онъ моложе меня.

ФРЕДЕРИКЪ. Что за вздоръ?... Развѣ ты такъ состарѣлся?...

ГАСТОНЪ. Совсѣмъ нѣтъ!.. Да вотъ какъ: сегодня, при свиданіи съ нимъ, съ Юлією и съ тобою, я сталъ совершенный ребенокъ!.. Мнѣ кажется, я только-что вышелъ изъ училища и пріѣхалъ домой на ваканціи ... Бѣда, еслибъ это узнали въ полку! Но, по совѣсти, я такъ радъ, что готовъ ловить бабочекъ въ саду.

ФРЕДЕРИКЪ. Безумная голова!

ГАСТОНЪ. Разумная голова! Развѣ настоящая мудрость не заключается въ томъ, чтобъ быть счастливымъ?.. Но потолкуемъ о тебѣ ... Доволенъ-ли ты своей судьбой? Какія у тебя намѣренія? Есть-ли у тебя зазнобушка? Любишь-ли шампанское, какъ прежде? Ну, говори скорѣй, у меня бездна вопросовъ послѣ пятилѣтней разлуки.

ФРЕДЕРИКЪ (*вставая*). Ахъ, другъ мой, я теперь уже не тотъ, чѣмъ былъ пять лѣтъ назадъ. Я опорожнилъ послѣднюю бутылку шампанскаго въ день твоего отъѣзда.

ГАСТОНЪ. Боже мой! да ты меня удивляешь!.. въ-самомъ-дѣлѣ, во всей твоей осанкѣ какая-то важность, которой я прежде не замѣчалъ.

ФРЕДЕРИКЪ. А что, я похожъ на важнаго человѣка?

ГАСТОНЪ (*взявъ Фредерика подъ руку, прохаживается съ нимъ*). Бѣдный другъ! ты былъ такой весельчакъ; бывало, такъ мастерски билъ стаканы, нѣвалъ такія шѣни, что хоть кого заставишь разсмѣяться.

ФРЕДЕРИКЪ. Да, на все есть свое время .. есть время на труды, есть и на честолюбіе!..

ГАСТОНЪ. Какъ! ты честолюбивъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Разумѣется; однако не взирая на все мои усилія, цѣль, къ которой я стремлюсь, всегда бѣжить отъ меня; я знаю, что во мнѣ есть способности и энергія, но этого мало! Чтобъ была удача, Гастонъ, надо отказаться отъ всехъ людскихъ слабостей, надо обуздать свою молодость, свое сердце, надо быть холоднымъ, равнодушнымъ. всегда владѣть собою, словомъ сказать, почти не быть человѣкомъ: я еще не дошелъ до этого!

ГАСТОНЪ. Стало быть, ты недоволенъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Да, потому-что я страдаю, потому - что ... напрасно стараюсь обуздать страсти, которыя бушуютъ во мнѣ, безпрестанно волнуютъ мой разумъ и сталкиваютъ съ того пути, по которому я хотѣлъ бы идти. Эти страсти мучаютъ меня; однимъ словомъ, я созрѣлъ лѣтами, но все еще слишкомъ молодъ душою; разумъ влечетъ меня впередъ, а страсти тянутъ назадъ, и у меня нѣтъ силъ съ ними бороться ... я не умѣю быть ни молодымъ, ни старымъ, и моя жизнь, мои труды, мое поприще пропадають въ этой борьбѣ.

ГАСТОНЪ. Чортъ возьми, въ какомъ печальномъ видѣ ты себя описываешь, мой другъ!.. Но послушай, если уже серьезно говорить съ тобой, на что ты жалуешься? Ты не богатъ, но у тебя есть чѣмъ жить, занимаешь почетное мѣсто въ обществѣ и въ наукѣ; будущность въ твоихъ рукахъ; ты не чужой въ моемъ семействѣ и можешь, кажется, спокойно выжидать, чтобъ какая-нибудь богатая наслѣдница принесла тебѣ за собою порядочное состояніе. Чего-же тебѣ еще надо?..

ФРЕДЕРИКЪ. Все это пустыя мечтанья!

ГАСТОНЪ. Отъ тебя зависитъ осуществить ихъ. Что до меня, такъ семейная жизнь, которою ты какъ-будто пренебрегаешь, моя единственная мечта ... и этого счастья я хочу просить у твоей сестры.

ФРЕДЕРИКЪ. Стало, ты ее любишь по-прежнему?

ГАСТОНЪ. Люблю-ли?... Разлука не охладила моей любви; я не боялся непріятельской пули, но боялся умереть, не увидавъ ее еще разъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Ты говоришь объ Юліи, Гастонъ, и коснулся самой чувствительной струны моего сердца: это доброе созданіе достойно тебя ... Вы будете счастливы, я въ этомъ увѣренъ; я поручаю тебѣ это неоцѣненное сокровище.

ГАСТОНЪ. Опять скажу, что отъ тебя зависитъ быть такъ-же счастливымъ, какъ и я; на свѣтѣ не одна достойная дѣвушка.

ФРЕДЕРИКЪ. Что дѣлать; я вѣрю въ Юлію, а въ другихъ женщинъ мало ...

ГАСТОНЪ. Это не комплиментъ для графини.

ФРЕДЕРИКЪ. Это шутка!.. я очень уважаю графиню де-Верьеръ.

ГАСТОНЪ. Она очаровательна, неправда-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Въ этомъ я съ тобою совершенно согласенъ.

ГАСТОНЪ. Въ ней столько кротости, столько доброты, что я плѣнился ею съ первой встрѣчи; она разсѣяла все мои опасенія.

ФРЕДЕРИКЪ. Твои опасенія?

ГАСТОНЪ. Да, признаться тебѣ, я несовсѣмъ былъ покоенъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Это почему?

ГАСТОНЪ. Женитьба весьма важное дѣло, Фредерикъ, а графъ, казалось мнѣ, старенецъ для молодой жены.

ФРЕДЕРИКЪ. Что за мысль?

ГАСТОНЪ. Но лицо графини де-Верьеръ дышетъ такимъ прямодушіемъ, что въ ней ошибаться нельзя; я увѣренъ, что мой благодѣтель на старости будетъ снокоенъ и счастливъ. Но вотъ и наши дамы!..

IV.

ТѢ-ЖЕ, АМАЛІЯ, ЮЛІЯ, ГРАФЪ выходятъ изъ бесѣдки.

ГРАФЪ. Докторъ, подайте руку дамамъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Съ большимъ удовольствіемъ.

АМАЛІЯ. Какъ, а вы съ нами не пойдете?

ГРАФЪ. Я, другъ мой, останусь; мнѣ надо поговорить съ Гастономъ.

АМАЛІЯ. До свиданія, мосьё Гастонъ!

ГАСТОНЪ (*тихо Юліи*). Приходите скорѣй назадъ, Юлія.

ЮЛІЯ (*такъ-же*). Хорошо. (*Фредерикъ, Амалія и Юлія выходятъ съ лѣвой стороны сцены*).

V.

ГАСТОНЪ, ГРАФЪ.

ГРАФЪ. Наконецъ, мы одни, мой другъ, и я этому очень радъ мнѣ надо поговорить съ тобой.

ГАСТОНЪ. Я весь къ вашимъ услугамъ, батюшка (*садится къ столу; графъ стоитъ передъ нимъ*).

ГРАФЪ. Знаешь-ли, Гастонъ, мнѣ что-то неловко передъ тобою?

ГАСТОНЪ. Почему-же, батюшка?

ГРАФЪ. Скажи мнѣ откровенно, нравится-ли тебѣ моя жена?

ГАСТОНЪ. Очень.

ГРАФЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

ГАСТОНЪ. Увѣряю васъ.

ГРАФЪ. Ну, слава Богу; а я боялся, что ты скажешь другое.

ГАСТОНЪ. Помилуйте, батюшка, мнѣ-ли, осыпанному вашими благодѣяніями, быть вашимъ судьей? Все, что вы дѣлаете, прекрасно: я матери моей не зналъ, и мѣсто, которое въ вашемъ домѣ занимаетъ новая супруга ваша, не можетъ оскорбить меня. Будьте счастливы—вотъ все, чего я желаю...

ГРАФЪ. Благодарю тебя, Гастонъ: ты снялъ съ меня тяжкое бремя!.. Впрочемъ, моя свадьба устроилась очень просто. Ты согласишься, что романическія лѣта для меня уже прошли; ты уѣхалъ; дома казалось мнѣ пусто, я былъ одинъ, скучалъ, тосковалъ; случилось мнѣ встрѣтить Амалію... Ты знаешь, что я всегда любилъ хорошенькихъ женщинъ... Я наговорилъ ей нѣсколько любезностей, она приняла ихъ съ улыбкой; это ободрило меня. Я старался узнать ее поближе и нашелъ въ ней столько здраваго ума, что безъ страха ей довѣрился; наконецъ, я спросилъ захочетъ-ли она выдти за меня за-мужъ; она не отвергнула моего предложенія, родные уладили остальное и она сдѣлалась моей женою. Съ этого дня, Гастонъ, мнѣ кажется, что я сбросилъ двадцать лѣтъ съ костей; Амалія молода и прекрасна, а я при сѣдыхъ волосахъ, веселъ и счастливъ!..

ГАСТОНЪ (*вставая*). Правда, по вашему лицу видно, что вы веселы и здоровы.

ГРАФЪ (*садясь*). Теперь поговоримъ о тебѣ. Ты рѣшительно хочешь выдти въ отставку?

ГАСТОНЪ. Да, батюшка.

ГРАФЪ. Жалко бросить такую блестящую карьеру. Ну, что ты здѣсь будешь дѣлать?

ГАСТОНЪ (*приблизясь къ нему*). Да что: «жену ласкать, съ дѣтьми играть», имъ строить домики и жизнью наслаждаться.

ГРАФЪ. Впрочемъ, и это занятіе... Такъ ты все еще любишь Юлію?

ГАСТОНЪ. Больше, чѣмъ когда-нибудь.

ГРАФЪ. Такъ женись на ней, если она тебѣ по сердцу. Твоя Юлія мнѣ очень нравится; она не богата, за то у тебя есть состояніе (*Вставая*). Что ни говори, а мнѣ будетъ досадно видѣть тебя поручикомъ въ отставкѣ.

ГАСТОНЪ (*указывая на свой орденъ*). А это, батюшка!

ГРАФЪ. Это славно; ленточка въ петлицѣ тебѣ очень къ лицу.

VI.

ТЪ-ЖЕ и АНТОНЪ входятъ съ лѣвой стороны.

АНТОНЪ. Вотъ ваша трубка, ваше сіятельство. Если графу угодно отдохнуть, его комната готова.

ГАСТОНЪ. Отнесены-ли туда мои вещи?

АНТОНЪ. Отнесены ...

ГАСТОНЪ. Вы мнѣ позволите переодѣться до возвращенія нашихъ дамъ?

ГРАФЪ. Иди, братецъ, я подожду тебя, а пока буду курить мою старую трубку; Амалія такъ добра, что и этого мнѣ не запрещаетъ.

ГАСТОНЪ. Такъ до свиданія! (*Гастонъ уходитъ направо*).

VII.

ГРАФЪ и ГАСТОНЪ.

ГРАФЪ (*садится подъ навѣсъ*). Послушай, Антонъ!

АНТОНЪ (*подойдя къ графу съ зажженной бумажкой, даетъ ему закурить трубку*). Что прикажете!

ГРАФЪ. Ты слышалъ, Гастонъ выходитъ въ отставку.

АНТОНЪ. Можетъ-ли быть?...

ГРАФЪ. Задумалъ жениться. Что ты на это скажешь?

АНТОНЪ. Напрасно.

ГРАФЪ. Что выходитъ въ отставку или что женится?...

АНТОНЪ. Незнаю-съ.

ГРАФЪ. Какъ не знаешь?

АНТОНЪ. Изволите видѣть: женщины то-же, что крѣпости, а крѣпость лучше брать приступомъ, нежели сидѣть въ ней, потому-что рано или, поздно, а придется сдать.

ГРАФЪ. Чортъ возьми, какая метафора! Стало, по твоему мнѣнію, я дурно сдѣлалъ, что женился?

АНТОНЪ. Я этого не говорю, но на вашемъ мѣстѣ я-бы не женился.

ГРАФЪ. Ну, такъ на тебя трудно угодить, Антонъ; что-же дѣлать, если жена моя тебѣ не нравится? Что-же ты ничего не говоришь?

АНТОНЪ. Что мнѣ вамъ сказать?

ГРАФЪ. Да коротко и ясно, олухъ: что она прелестна.

АНТОНЪ. Положимъ, ну, прелестна.

ГРАФЪ. Чтобъ тебя черти взяли! (*Идетъ къ двери и опять возвращается*). Ну, что ты про нее скажешь?

АНТОНЪ. Еслибъ я не боялся...

ГРАФЪ. Говори, что такое?

АНТОНЪ. А вотъ что: меня беспокоитъ москѣ Берне.

ГРАФЪ. Чѣмъ?

АНТОНЪ. А тѣмъ ... чортъ возьми!... трудно сказать вамъ. Мнѣ кажется, что ... или мнѣ уже такъ показалось ... впрочемъ, легко и ошибиться.

ГРАФЪ. Будешь-ли ты говорить, наконецъ?

АНТОНЪ. Ну, уже если вы этого непременно хотите, дѣло другое: мнѣ кажется, что онъ подъѣзжаетъ къ вашей барынѣ.

ГРАФЪ. Осель!

АНТОНЪ. А какъ всѣ женщины болѣе или менѣе походятъ на свою...

ГРАФЪ. Какъ!

АНТОНЪ. Я не хочу разсердить васъ!

ГРАФЪ. Что ты говоришь?

АНТОНЪ. Я говорю ... я говорю ...

ГРАФЪ. Вздоръ ... ни слова болѣе ... Ну, гдѣ найти такого дурака?... Признаюсь ... не знаю, что и подумать ... Ну, вотъ такъ-то трубку сломалъ!.. Убирайся къ чорту! (*бросаетъ трубкою въ Антона и выходитъ въ дверь направо*).

VIII.

АНТОНЪ, потомъ ГАСТОНЪ.

АНТОНЪ (*подбирая осколки*). Экая славная трубка была!... Надо же несчастіе!... А я все-таки останусь при своемъ. Докторъ изъ головы моей не выходитъ и мнѣ привелось подсмотреть, какъ они перестрѣливались глазами. Это до добра не доведетъ. Ну, со временемъ все узнается (*Гастонъ входитъ съ лѣвой стороны*).

ГАСТОНЪ. Что съ тобой, старина, о чемъ задумался?

АНТОНЪ. Генераль бросилъ въ меня эту трубку, извольте видѣть.

ГАСТОНЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ, что это значитъ?

АНТОНЪ. А такъ ... разныя исторіи!..

ГАСТОНЪ. Исторіи?..

АНТОНЪ. Извольте видѣть, сударь: хоть онъ и другъ вашъ, но на меня еще не нашла слѣпота. Онъ васъ не стонитъ.

ГАСТОНЪ. Кто?

АНТОНЪ. Вашъ докторъ.

ГАСТОНЪ. Фредерикъ?

АНТОНЪ. Да, г. Фредерикъ; тамъ что ни говори генераль, а дѣло не ладное.

ГАСТОНЪ. Гдѣ?

АНТОНЪ. Знаемъ—мы (*убираетъ со стола*).

ГАСТОНЪ. Хорошо, что знаешь, а я ровно ничего не понимаю.

АНТОНЪ. Будьте покойны, старій Антонъ тутъ, и при первой тревогѣ...

ГАСТОНЪ. Ты, кажется, съ ума сошелъ!

АНТОНЪ. Нисколько, вы сами увидите.

ГАСТОНЪ. Что?...

АНТОНЪ (*съ подносомъ въ рукѣ*). Я не дуракъ и честь графа мнѣ такъ-же дорога, какъ вамъ самимъ ...

ГАСТОНЪ. Честь графа!

АНТОНЪ. Не говорите никому объ этомъ.

ГАСТОНЪ. Да о чемъ стану я говорить?

АНТОНЪ. Довольно!... (*входитъ въ бесѣдку*).

IX.

ГАСТОНЪ, потомъ Юлія.

ГАСТОНЪ. Вотъ чудакъ, вздумалъ говорить загадками ... Вѣрно онъ рѣхнулся на старости ... (*вбѣгаетъ Юлія*) Юлія!..

Юлія. А, Гастонъ!

ГАСТОНЪ. Какъ, Юлія, вы бѣгаете по-прежнему?

Юлія. Да, чтобъ скорѣй васъ видѣть!..

ГАСТОНЪ. Вы всегда милы и любезны ... (*Указывая на свою стару*) Это не побезпокоитъ васъ?.. Нѣтъ?.. Прелестная женщина!..

Я спокойно буду курить у себя дома!.. Но какъ вы покраснѣли; вы, вѣрно, устали?.. Угодно вамъ сѣсть!..

Юлія (*указывая на стулъ налѣво*). Да подойдите сюда.

Гастонъ (*указывая на бесѣдку направо*). Нѣтъ, сюда.

Юлія. Какъ вамъ угодно! (*Идутъ къ бесѣдкѣ; музыка играетъ подъ сурдиной до окончанія дѣйствія*).

Гастонъ (*садясь*). Юлія, любите-ли вы меня?

Юлія. А я хотѣла васъ спросить, любите-ли вы меня?

Гастонъ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

Юлія. Точно.

Гастонъ. Милое дитя ... Знаете-ли, я нахожу, что вы выросли.

Юлія. Какъ этотъ мундиръ вамъ къ лицу!

Гастонъ. Неужели? Гдѣ-же графиня?

Юлія. Я ее оставила при входѣ въ паркъ съ Фредерикомъ ... Часто вы вспоминали обо мнѣ въ Африкѣ?

Гастонъ. О, я васъ не забывалъ ни на одну минуту, и что было-бы со мною безъ воспоминанія о васъ? Измученный, мокрый насквозь, оледенѣвъ и тѣломъ и душой, я произнесу ваше имя, Юлія—и все забыто.

Юлія. Бѣдняжка!.. И я также очень часто вспоминала о васъ!.. Какъ вы находите, перемѣнилась я?

Гастонъ. Да, вы перемѣнились. Ваши глазки нѣжныѣ прежняго, волосы черныѣ, голосъ тверже, и все это такъ идетъ къ вамъ ... Ну, а я? (*встаетъ, Юлія садится*).

Юлія (*смѣясь*). Вы? У васъ хорошенькіе усыки.

Гастонъ. Да, порядочные ...

Юлія. Взгляните на эти васильки, я собрала ихъ на полѣ ... Хотите, мы съ вами будемъ вѣнки плести?

Гастонъ. Съ удовольствіемъ! (*Всторону*) Вѣнки плести поручику африканскихъ стрѣлковъ! Еслибъ увидѣли это мои товарищи, они-бы поднесли мнѣ пастушескую свирѣль.

Юлія. Что-же вы?

Гастонъ. Съ большимъ удовольствіемъ (*подходитъ къ Юліи и разбираетъ съ нею цвѣты, разговаривая въ полмолоса*).

X.

ТЪ-ЖЕ, ФРЕДЕРИКЪ, АМАЛІЯ.

Фредерикъ и Амалія входятъ подъ руку, съ лѣвой стороны, такъ - что Гастонъ и Юлія не замѣчаютъ ихъ.

АМАЛІЯ. Повторяю вамъ, Фредерикъ, мнѣ страшно!...

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойтесь, ради Бога!

АМАЛІЯ. Чтò-же мнѣ дѣлать?.. Я не имѣю вашей твердости ... я чувствую, что я преступна и дрожу (*Гастонъ приподнимаетъ голову и, увидѣвъ ихъ, подслушиваетъ*).

ФРЕДЕРИКЪ. Старайтесь владѣть собою, Амалія, иначе вы сами себя погубите.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, это свыше силъ моихъ, уѣзжайте!... (*Гастонъ дѣлаетъ шагъ*).

ФРЕДЕРИКЪ. Развѣ это возможно?

АМАЛІЯ. Я этого хочу (*Фредерикъ и Амалія входятъ въ бесѣдку*).

XI.

ЮЛІЯ, ГАСТОНЪ, ПОТОМЪ ГРАФЪ.

ГАСТОНЪ (*роняетъ изъ рукъ цвѣты*). Я этого хочу!

ЮЛІЯ. Чтò-же вы дѣлаете? вы бросаете мои цвѣты (*поднимаетъ ихъ*).

ГРАФЪ (*входя съ правой стороны*). А! ты здѣсь, Гастонъ! Видѣлъ мою жену?

ГАСТОНЪ. Кажется, она сію-минуту возвратилась, батюшка!..

ГРАФЪ. Чтò съ тобою? Какъ ты блѣденъ!

ГАСТОНЪ. Я, ничего.

ЮЛІЯ. Ахъ! Боже мой, что съ вами? Вы нездоровы?

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, здоровъ ...

ГРАФЪ. Я шель ей сказать, что г-жа де-Валори сейчасъ пріѣхала съ своимъ двоюроднымъ братомъ; пойдемъ со мною, я тебя представлю ей.

ГАСТОНЪ. Иду, батюшка!

ГРАФЪ. Видишь, Гастонъ, какъ мы счастливы?

ГАСТОНЪ. Да! очень счастливы.

ЮЛІЯ. Да, идите-же!

ГАСТОНЪ. Иду! иду! (*Графъ, Гастонъ и Юлія выходятъ въ бесѣдку, занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная; въ глубинѣ дверь, боковыя двери.

I.

ФРЕДЕРИКЪ, ДЕ-ВАЛОРИ, АМАЛІЯ, ГРАФЪ, АНАТОЛЬ. Амалія и г-жа де-Валори сидятъ на правомъ планѣ, за рабочимъ столикомъ; Амалія вышиваетъ по канвѣ, Фредерикъ стоитъ за нею; на лѣвой сторонѣ сидятъ графъ и держитъ журналъ; налѣво, на второмъ планѣ, Анатоль поетъ, аккомпанируя себѣ на фортепьяно, возлѣ него стоитъ Юлія.

ДЕ-ВАЛОРИ (*обращаясь къ Анатолю*). Прекрасно! (*Амаліи*) Что вы скажете моя милая? Придерживаясь мнѣнія Мольера, старинные стихи лучше новыхъ... (*Анатолю*). Вы поете съ большимъ чувствомъ. Это ваше сочиненіе?

АНАТОЛЬ (*вставал*). А что вы скажете?...

ДЕ-ВАЛОРИ. Жаль, музыка очень миленькая.

АНАТОЛЬ. Слова мои. (*Юлія садится за фортепьяно и тихо разговариваетъ съ Анатолемъ, который стоитъ возлѣ нее*).

ДЕ-ВАЛОРИ (*Фредерику*). А вы поете, докторъ?

ФРЕДЕРИКЪ (*разсыпнно*). Какъ-съ?

ДЕ-ВАЛОРИ. А! прекрасно... вы мечтали... извините, что потревожила. (*Анатолю*) Вы не поете, cousin? Пойте-же...

«Что нужно мнѣ, о другъ мой черноокій?»

Ей также нуженъ кто-нибудь, только не онъ; мы это всякой день видимъ... Жалкая исторія всего человѣческаго рода... (*Фредерику*).

Неправда-ли? Ахъ! виновата ... я забыла, что вы погружены въ мечтанія. (*Графу*) Графъ, гдѣ-же мосье Гастонъ? ... Ахъ! да ... знаю; вы уже сказали мнѣ ... только я не помню ... впрочемъ, это все равно... его здѣсь недостаетъ.

ГРАФЪ. Онъ, вѣроятно, будетъ къ нашему вечернему празднику.

ДЕ-ВАЛОРИ. Ахъ да!.. вы даете балъ ...

ГРАФЪ. Сельскій праздникъ ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Чтобъ отпраздновать возвращеніе вашего сына ... я и забыла ... А меня позовете?

ГРАФЪ. Если вамъ угодно, милости просимъ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Я никогда не отказываюсь отъ случая повеселиться ... жизнь наша такъ коротка!... Такъ-ли, докторъ? (*смѣется*). Рѣшительно, все вы сегодня веселы до безумія.

АНАТОЛЬ (Юліи). Да, я въ прошломъ году издалъ собраніе стихотвореній подъ названіемъ *Съверное сіяніе*; вы вѣрно слышали о нихъ? Юлія. Нѣтъ, не слыхала.

АНАТОЛЬ. Удивительно, какъ это могло случиться?

ДЕ-ВАЛОРИ. Приподнимите же ваши прекрасные глаза и посмотрите на людей, которые говорятъ съ вами ... Хотите, я избавлю васъ отъ моего посѣщенія и дамъ знакъ Анатолю, чтобъ онъ подальше мнѣ шляпку и шаль, или нѣтъ? Я не мѣшаю вамъ? ... Ну, тѣмъ лучше ... останусь ... только бросьте, пожалуйста, ваше вышиваніе; оно раздражаетъ мнѣ нервы ... Будемъ лучше говорить ...

АНАТОЛЬ (улыбаясь). Извольте!...

ДЕ-ВАЛОРИ. А, это дѣло другое!.. Вы очаровательны (*Фредерику*) Вамъ все равно мечтать здѣсь или подальше?... О чемъ мы переговорить хотимъ — до васъ не касается.

ФРЕДЕРИКЪ (клапаясь). А! (*беретъ книгу и садится возлѣ двери въ глубинѣ сцены.*)

ДЕ-ВАЛОРИ (Амалии.) Мы съ вами старинные друзья, такъ-ли?... Это само собою разумѣется ... друзья съ дѣтства, пансіонныя по-други; вы теперь за-мужемъ, я вдова ... стало, намъ не трудно будетъ понять другъ друга ... Счастливы-ли вы?

АМАЛІЯ. Счастлива-ли!... разумѣется, счастлива...

ДЕ-ВАЛОРИ. Я васъ спрашиваю объ этомъ, потому-что знаю, что такое, старый мужъ ... Не безнокойтесь; онъ читаетъ газеты и ничего не слышитъ ... Моему было подъ пятьдесятъ, вашему и того болѣе; мой былъ довольно дуренъ собой, сварливъ и ужасно ревновалъ ... вашъ...

АМАЛІЯ. Мой благороденъ и добръ ... вполнѣ доврѣчивъ и великодушенъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Да, это видно по его лицу... по видны также и лѣта... а это портитъ все дѣло.

АМАЛІЯ. Почему-же?

ДЕ-ВАЛОРИ. Вспомните наши прежніе разговоры ... мы говорили не о лысыхъ головахъ и не объ сѣдыхъ бородахъ; мы тогда только мечтали, и охотно заглядѣлись-бы на всякаго встрѣчнаго... будь онъ только молодъ, красивъ и уменъ. Мнѣ пуженъ былъ не г. Валори ... однако на это не посмотрѣли, выдали меня за него за-мужъ... и я боюсь, чтобъ ваша исторія не была похожа на мою ... за исключеніемъ развязки. Не знаю, счастливы-ли вы, но только это не тотъ мужъ, о которомъ вы мечтали.

АМАЛІЯ. Ни слова болѣе, Каролина, если вы меня любите.

ДЕ-ВАЛОРИ. Какъ вамъ угодно, моя милая ... будемъ говорить о чемъ — нибудь другомъ .. (*Амалія пожимаетъ ей руку, встопону*). Вы можете занять ваше прежнее мѣсто, докторъ, мы кончили. (*Анатолю*) Cousin! (*дѣлаетъ ему знакъ чтобъ онъ подошелъ*). Если вы не поете, то скажите намъ что-нибудь изъ вашихъ прелестныхъ сочиненій, чтобъ насъ позабавить ... Амаліи хочется познакомиться съ вашимъ поэтическимъ талантомъ .. а также и графъ ... я въ этомъ увѣрена ... Не такъ-ли, графъ?

ГРАФЪ. Разумѣется ... о чемъ идетъ дѣло?

ДЕ-ВАЛОРИ. Mon cousin будете читать намъ свои стихи.

ГРАФЪ. А, вы стихи пишете?

ДЕ-ВАЛОРИ (*смѣясь*). Да, теперь вы предупреждены ... и заранѣе примете ваши мѣры.

ГРАФЪ. Какъ-же ... очень радъ буду послушать ... я очень люблю хорошіе стихи...

ДЕ-ВАЛОРИ. О! да вы приводите его въ смущеніе .. я васъ предупреждаю, что его стихи .. какъ-бы вамъ сказать?..

ГРАФЪ. Романтическіе?

АНАТОЛЬ. Позвольте, графъ: что вы называете романтическими? Это слово весьма многими было употреблено во зло ... ни классицизма, ни романтизма не существуетъ; есть искусство въ истинѣ и истина въ искусствѣ ... истина эта фантазія... фантазія—лучезарная тишина мысли на челѣ поэта; что касается до здраваго смысла, не говорите мнѣ о немъ... У кого его нѣтъ? У моего лавочника есть здравый смыслъ!. Я его не имѣю, потому-что я поэтъ! Вы смѣетесь!... кажется, тутъ нечему смѣяться ... искусство не котель ... искусство похоже на эолову арфу, по струнамъ которой играетъ вѣтеръ; арфа — искусство, струны — поэтъ,

вѣтеръ — вдохновеніе! дубъ не зонтикъ; Шекширъ — арфа, Расинъ вѣтеръ; я изъ этихъ предѣловъ не выхожу ... понимаете?...

ГРАФЪ. Хе! хе!

ДЕ-ВАЛОРИ. Онъ безподобецъ! Такъ говоритъ, что я ни слова не понимаю, и это именно меня и забавляетъ.

АНАТОЛЬ. Какъ, вы не понимаете? однако это очень ясно ... я вамъ докажу ...

ДЕ-ВАЛОРИ (*вставая и приближаясь къ Анатолу*). Ахъ, Боже мой! что вы опять затѣваете?..

АМАЛІЯ (*тихо Фредерикю*). Мнѣ надо поговорить съ вами.

ДЕ-ВАЛОРИ. Прежде всего, дѣло не въ теоріи, а въ собственныхъ вашихъ стихахъ ... ну, начинайте, васъ слушаютъ...

АНАТОЛЬ. Я уже, право, не знаю долженъ-ли ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Полноте!.. Вы хотите, чтобъ васъ упрашивали; васъ не принуждаютъ ... (*идетъ къ своему мѣсту*).

АНАТОЛЬ (*посль нѣкотораго молчанія*). Я вамъ прочту что-нибудь изъ моихъ легкихъ стихотвореній, на-примѣръ, описаніе *бури*.

Грозно шумящимъ потокомъ
 Дождикъ стремится съ небесъ;
 Мракъ не проникнешъ ты окомъ;
 Бурей одѣлся Зевесъ.
 Молнія въ тучѣ сверкаетъ,
 Съ трескомъ на землю падетъ.
 Страшнымъ пожаромъ нылаетъ
 Неба разгнѣванный сводъ.
 Громче ста пушекъ, раскатомъ
 Громъ надъ землею бѣжитъ
 И надъ сердитымъ Ефратомъ
 Пѣна клубами летитъ.

ГРАФЪ. Тьфу, чортъ возьми!

АНАТОЛЬ. Теперь—трагедія.

ГРАФЪ. Какъ! цѣлая трагедія?

АНАТОЛЬ. Нѣтъ, это также мелкое стихотвореніе, оно объясняетъ первое ...

ГРАФЪ. А! прекрасно ... продолжайте (*опять садится*).

ДЕ-ВАЛОРИ (*смыясь*). Бѣдный графъ!

АНАТОЛЬ.

Пожаръ погасъ
И грома гласъ
Затихъ!...
Завиденъ міръ...
Опять эфиръ
И вѣтеръ тихъ!...

Но кто-же тамъ
По вѣмъ полямъ
Оставилъ слѣдъ?
То былъ Зевесъ:
Послалъ съ небесъ
Онъ кучу бѣдъ!..

ГРАФЪ. Фу, ты пропасть!..

ДЕ-ВАЛОРИ. Можетъ быть, вамъ угодно третье стихотвореніе, которое пояснило-бы второе.

ГРАФЪ. Нѣтъ, за чѣмъ-же?.. (*Вставая*) Признаюсь вамъ, слово трагедія испугало меня... Я было-подумалъ, что г. Анатоль угоститъ насъ цѣлою трагедіею ... въ стихахъ.

АНАТОЛЬ. Не правда-ли?

ГРАФЪ. Я-бы не въ состояніи былъ написать такіе стихи.

ДЕ-ВАЛОРИ. Ни я! (*Амалии*) Что-же вы не смѣтаетесь?

АНАТОЛЬ. Ахъ! я опять забылъ! Напомните мнѣ, графъ, чтобъ прислать вамъ мою статуэтку.

ГРАФЪ. Какъ-же, непременно! Mes dames, предлагаю вамъ пройти въ паркъ, погода прекрасная.

ДЕ-ВАЛОРИ (*вставая*). Съ удовольствіемъ (*Амалии*). Вы пойдете?

АМАЛИЯ. Я только отдамъ нѣкоторыя приказанія и догоню васъ.

ГРАФЪ (*подходя къ Амалии*). Ты здорова, мой другъ, да?

АМАЛИЯ. Я совершенно здорова.

ГРАФЪ. Ну, слава Богу, а мнѣ показалось, что ты что-то разстроена. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*).

ДЕ-ВАЛОРИ. Графъ, вашу руку.

ФРЕДЕРИКЪ (*тихо Амалии*). Я сію-минуту возвращусь (*беретъ шляпу и идетъ въ дверь направо*).

ГРАФЪ. А вы не идете съ нами, докторъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Мнѣ нужно навѣстить нѣсколькихъ больныхъ въ сосѣдствѣ.

ГРАФЪ (*протягивая ему руку*). До свиданія! (*Подаетъ руку г-жѣ де-Валори*).

АНАТОЛЬ (*подавая руку Юліи*). Смѣю предложить вамъ?

ЮЛІЯ. Съ удовольствіемъ ... Скажите, вы наизусть знаете всѣ ваши стихи?

АНАТОЛЬ. Какъ-же!

ЮЛІЯ. У васъ прекрасная память.

АНАТОЛЬ. Да, порядочная. (*Юлія подаетъ руку Анатолію, они идутъ въ садъ, вслѣдъ за графомъ и г-жей де Валори*).

II.

ТЪ-ЖЕ. АНТОНЪ, Амалія встаетъ.

АНТОНЪ (*на порогъ двери*). Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, графъ.

ГРАФЪ. Теперь мнѣ некогда тебя слушать.

АНТОНЪ. А нужно-бы.

ГРАФЪ. Хорошо, мы это увидимъ, немного погодя. (*Выходитъ съ г-жей де-Валори, Анатоля и Юлія слѣдуютъ за ними; Антонъ смотритъ имъ вслѣдъ, показываетъ знакъ нетерпѣнія и скрывается, притворивъ за собою дверь*).

III.

ФРЕДЕРИКЪ, АМАЛІЯ только-что дворъ въ серединѣ сцены затворилась, показывается Фредерикъ и бѣжитъ къ Амаліи.

ФРЕДЕРИКЪ. Амалія!

АМАЛІЯ. Тише! тише!

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойтесь ... никто насъ не слышитъ.

АМАЛІЯ. Ради Бога ... Фредерикъ, если вы когда-нибудь любили меня, если еще любите ... не губите ... спасите меня...

ФРЕДЕРИКЪ. Васъ спасти!.. да чего вы боитесь?.. какая опасность?

АМАЛІЯ. Какая опасность? Вамъ-ли объ этомъ спрашивать... Одно слово, одно движеніе, одинъ взглядъ ... все можетъ выдать насъ!.. или вы не видите, что я уже никакой власти не имѣю надъ собою, что я не въ силахъ больше притворяться и сто разъ готова была измѣнить себя! .

ФРЕДЕРИКЪ. Что за ребячество!

АМАЛІЯ. Выслушайте меня ... это ежедневное, ежеминутное при- творство свыше силъ моихъ, повторяю вамъ. Разстанемся сегодня-же, или завтра я могу погубить себя.

ФРЕДЕРИКЪ. Намъ разстаться!

АМАЛІЯ. Необходимо!.. Вотъ уже недѣля, какъ я постоянно думаю объ этомъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Недѣля!

АМАЛІЯ. Сочтите сами ... вотъ уже недѣля какъ Гастонъ здѣсь, между вами и мной; недѣля, какъ и дрожу подъ его недовѣрчивымъ взглядомъ!.. Этотъ взглядъ убиваетъ меня!.. Я готова бѣжать на край свѣта, чтобъ только избавиться отъ него.

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойтесь... Какой безумный страхъ овладѣлъ ва- ми? Гастонъ ничего не знаетъ, ничего не подозреваетъ.

АМАЛІЯ. А если напротивъ...

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ?

АМАЛІЯ. Нынѣшнюю ночь, мнѣ показалось, что онъ ходитъ подъ моими окнами.

ФРЕДЕРИКЪ. Гастонъ?

АМАЛІЯ. Неправда-ли, что это странно?

ФРЕДЕРИКЪ. Полноте! можетъ быть, это Антонъ дѣлалъ свой обыч- ный обходъ ночью ... а потомъ, что тутъ страннаго?.. Комната Юліи рядомъ съ вашей, не удивительно, что Гастонъ проходилъ вздыхать подъ ея окнами.

АМАЛІЯ. Не смѣйтесь, Фредерикъ; мои опасенія слишкомъ основа- тельны! ... Надѣюсь, что онъ еще ничего не знаетъ, но онъ все мо- жетъ угадать, и тогда, что мнѣ сказать Гастону, который будетъ тре- бовать отъ меня отчета за честь своего благодѣтеля? Скажу-ли я въ оправданіе себѣ, что этотъ старикъ, безбожно мною обманутый, любилъ меня, какъ дочь; что, покорный всеѣмъ моимъ желаніямъ, всеѣмъ прихотямъ, онъ тогда только былъ счастливъ и веселъ, когда могъ оживлять радостію каждый часъ моей жизни ... и за все это онъ просилъ только улыбки, только пожатія руки? Сказать-ли мнѣ, что этотъ человѣкъ, котораго мы такъ обидѣли, до-сихъ-поръ вашъ искрен- ній другъ, вашъ великодушный покровитель и любить Юлію, какъ род- ную дочь! ... Что-же я скажу ему, если не это? (*садится*).

ФРЕДЕРИКЪ. Признаюсь, что я васъ не понимаю, Амалія. Вы привыкли преувеличивать, и этотъ страхъ ничто иное, какъ игра воображенія; повторяю, Гастонъ имѣетъ къ вамъ неограниченное довѣріе; что касается до графа, онъ ничего не знаетъ и спокойно

прогуливается съ вашей, пріятельницей, которую я отсюда слышу. Вы не знаете, что придумать, чтобъ возмутить наше счастье.

АМАЛІЯ. Безразсудный! вы говорите о счастьи, да взгляните на меня! ... Развѣ вы не видите, что я болѣе ему не вѣрю, что и вы сами въ немъ сомнѣваетесь?

ФРЕДЕРИКЪ. Нѣтъ, я въ немъ не сомнѣваюсь; мнѣ нужна эта вѣра, потому—что безъ нея мнѣ ничего не остается! ... Слушайте, Амалія: я васъ люблю страстно, я вамъ принесъ въ жертву мое честолюбіе, мою гордость, всѣ мои лучшія надежды, мое поприще, мое состояніе; это не упрекъ, вы мнѣ все это замѣнили ... Пусть моя жизнь проходитъ въ безвѣстности, безъ пользы; но я проведу ее у вашихъ ногъ ... Не лишайте меня счастья, Амалія: оно мнѣ необходимо, я его требую!

АМАЛІЯ (*закрывая лицо руками*). Боже мой!

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойтесь ... кто-то идетъ.

IV.

АМАЛІЯ, ГАСТОНЪ, ФРЕДЕРИКЪ.

ФРЕДЕРИКЪ (*на встрѣчу Гастону*). А! вотъ и ты! (*Протягиваетъ ему руку; Гастонъ, будто-бы не замѣчаетъ его*). Тебя здѣсь не доставало; г-жа де-Валори уже цѣлый часъ оглашаетъ окрестность твоимъ именемъ, да и графиня съ нетерпѣніемъ ждала тебя.

АМАЛІЯ. Да, это правда ... (*Гастонъ кланяется*) Вы гуляли, мосьё Гастонъ?

ГАСТОНЪ. Я выходилъ двѣ или три мили по окрестностямъ, на перевода духа.

ФРЕДЕРИКЪ. И возвратился съ африканскимъ апетитомъ?

АМАЛІЯ. Я велю подать вамъ завтракать.

ГАСТОНЪ. Благодарю, я не голоденъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Стало ты боленъ?

ГАСТОНЪ. Нѣтъ...

АМАЛІЯ (*всторону*). Какая холодность! (*громко*) Г-жа де-Валори въ саду?

ГАСТОНЪ. Я видѣлъ ее издали.

АМАЛІЯ. Позвольте васъ оставить на минуту; до свиданія. (*Выходитъ въ среднюю дверь*).

V.

ГАСТОНЪ, ФРЕДЕРИКЪ.

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Выдержу! (*садится направо*).

ГАСТОНЪ (*садится налво и съ досадою мнетъ свои перчатки, потомъ встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери, возвращается и останавливается передъ Фредерикомъ*). Фредерикъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Рѣшительно, любезный другъ, ты боленъ.

ГАСТОНЪ. Шутки всторону, Фредерикъ, онъ здѣсь неумѣстны, мнѣ серьезно нужно переговорить съ тобой. Дней съ десять тому, ты говорилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, о своихъ мечтаніяхъ, о будущемъ .. помнится, ты говорилъ, что не созданъ для мирныхъ наслажденій семейной жизни, что ты честолюбивъ.

ФРЕДЕРИКЪ (*вставая*). Такъ что—же?

ГАСТОНЪ. Я думалъ о тебѣ и занялся твоею будущностію.

ФРЕДЕРИКЪ. Какимъ—образомъ?

ГАСТОНЪ. Я не гулялъ въ окрестностяхъ, я былъ въ Парижѣ.

ФРЕДЕРИКЪ. Сегодня по утру?

ГАСТОНЪ. Сегодня по утру я видѣлъ министра, давнишняго пріятеля моего отца, говорилъ съ нимъ о тебѣ; твое имя ему уже извѣстно. Я испросилъ у него для тебя какое—нибудь порученіе въ Египеть, на Востокъ, онъ мнѣ обѣщаль ... Согласенъ—ли ты на это?

ФРЕДЕРИКЪ. Послушай, Гастонъ, это безрасудио. Какъ не предупредить меня?.. Что это за выдумка?

ГАСТОНЪ. Какая тутъ выдумка! Увѣряю тебя, что я взялся за это очень обдуманно, повѣрь мнѣ, этимъ пренебрегать не должно ... тебѣ открывается блестящее поприще ... Послушайся меня, Фредерикъ, не отказывайся.

ФРЕДЕРИКЪ. Благодарю тебя, Гастонъ, за доброе намѣреніе, но оно бесполезно ... у меня теперь другіе виды, другія предположенія ... притомъ—же я не могу оставить Юлію.

ГАСТОНЪ. Развѣ она не обезпечена въ нашемъ семействѣ?

ФРЕДЕРИКЪ. Оно такъ, но...

ГАСТОНЪ. Надѣюсь, что ты не боишься дурнаго примѣра.

ФРЕДЕРИКЪ. Это что значить?

ГАСТОНЪ (*простодушно*). Ничего, графиня любитъ твою сестру, какъ родную и вполне можетъ замѣнить тебя...

ФРЕДЕРИКЪ. Разумѣется, но есть еще другія причины, по которымъ мнѣ нельзя ѣхать. Не убѣждай меня... это невозможно...

ГАСТОНЪ. Невозможно?

ФРЕДЕРИКЪ. Да, невозможно! Что за охота одолжать меня противъ воли; да и то сказать, прилично-ли мнѣ ѣхать въ то время, когда дѣло идетъ о твоей свадьбѣ съ сестрой? Или ты раздумалъ?

ГАСТОНЪ (*подходя къ столу и перелистывая альбомъ*). Можетъ быть!

ФРЕДЕРИКЪ. Это почему?

ГАСТОНЪ. Кто можетъ отвѣчать за завтрашній день? Кто можетъ знать, не ждетъ-ли насъ несчастіе, которое разрушитъ всѣ наши надежды? (*Молчаніе*).

ФРЕДЕРИКЪ. Что за мрачныя предчувствія?

ГАСТОНЪ. Прошу тебя, Фредерикъ, согласишься...

ФРЕДЕРИКЪ. Еще разъ, нѣтъ...

ГАСТОНЪ. Въ такомъ случаѣ...

ФРЕДЕРИКЪ. Что!

ГАСТОНЪ (*съ прежнимъ равнодушіемъ*). Тѣмъ хуже для тебя, самъ теряешь свое счастье... ты воленъ... мнѣ все равно... объ Юліи мы поговоримъ послѣ...

ФРЕДЕРИКЪ (*протягивая ему руку*). Мы расстаемся друзьями?

ГАСТОНЪ (*беретъ свою шляпу*). Друзьями!

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Амалія не ошиблась... онъ все знаетъ. (*Выходитъ въ среднюю дверь*).

VI

ГАСТОНЪ, одинъ.

Нѣтъ средствъ побѣдить его упрямство!.. Что дѣлать? Она любитъ его... Какое несчастіе!... Я пріѣхалъ сюда въ полной надеждѣ на семейныя радости, я думалъ отдохнуть — и нахожу въ домѣ стыдъ!... Я все сдѣлалъ, чтобъ избѣжать огласки... Если онъ останется, могу-ли я быть нѣмымъ свидѣтелемъ любви, которая позоритъ имя для меня слишкомъ драгоценное?... Я убью его!... (*вставая*). Убить Фредерика, сдѣлать несчастіе Юліи... разрушить всѣ

надежды нашего семейства?.. А что будетъ съ старикомъ?... Не долженъ-ли я всего болѣе заботиться о его спокойствіи и счастіи? Не лучше ли уѣхать въ Африку? Нѣтъ, невозможно!... Поговоримъ съ Амаліей... можетъ быть... Тысяча мыслей тѣснится въ головѣ моей... какое ужасное положеніе!...

VII.

ГАСТОНЪ, ЮЛІА.

ГАСТОНЪ. Юлія!

ЮЛІА. Извините, я вамъ помѣшала. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, чтобъ удалиться*).

ГАСТОНЪ (*тихо удерживая ее за руку*). Что вы говорите! Развѣ вы не та-же милая, обожаемая мною Юлія, моя сестра? (*Заставляетъ ее сѣсть на палубу и становится передъ нею*).

ЮЛІА. Ваша сестра?

ГАСТОНЪ. Этимъ именемъ я когда-то называлъ васъ... Помните, Юлія?

ЮЛІА. Помню... тогда мнѣ это имя было очень пріятно.

ГАСТОНЪ. А теперь?

ЮЛІА. Теперь, не знаю отчего, мнѣ грустно его слышать.

ГАСТОНЪ. Что это, слезы?...

ЮЛІА. Да, вы видите, я плачу... вы правы, я дитя... но... я все поняла, все угадала.

ГАСТОНЪ. Что-же вы поняли, что угадали?

ЮЛІА. Я поняла, мосьё Гастонъ, что Богъ не создалъ меня для васъ... я поняла, я угадала, что, по вашему возвращеніи, вы нашли меня неловкою, необразованной дѣвочкой; вы раскаялись въ прежнихъ клятвахъ... можетъ быть, полюбили другую... Не оправдывайтесь, я васъ ни въ чемъ не упрекаю, вы меня несовсѣмъ забыли, и помните еще то имя, которымъ называли меня въ дѣтствѣ!.. Вы хотите, чтобъ я осталась вашей сестрой... благодарю.

ГАСТОНЪ. Юлія! милая Юлія! ваши слова раздираютъ мнѣ душу... не голосъ вашъ осуждаетъ меня... а слезы въ вашихъ глазахъ... Клянусь вамъ, что люблю васъ всѣми силами души, люблю васъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь! (*Взявъ ее за руки и заставивъ встать*) Юлія, взгляните на меня... вѣрите-ли вы мнѣ?

ЮЛІА. Я вѣрю вамъ.

ГАСТОНЪ. Благодарю! я въ отчаяніи, Юлія, ... я въ отчаяніи! (*въ глубинѣ показывается г-жа де-Валори; Гастонъ беретъ Юлію за руку. Юлія провожаетъ его глазами и рыдаетъ*).

VIII

ЮЛІА. Г-ЖА ДЕ ВАЛОРИ.

ДЕ-ВАЛОРИ (*поспѣшно приближается къ Юліи*). Что съ вами, мое милое дитя? Мосьё Гастонъ только-что оставилъ васъ и вы такъ горько плачете! ... Это непостижимо! ... Скажите мнѣ, что васъ такъ огорчаетъ?.. Не ужели вы посорились?

ЮЛІА (*съ живостью*). О! нѣтъ, нисколько!

ДЕ-ВАЛОРИ. Опъ, вѣрно, несправедливо упрекнулъ васъ ... ревнивъ, можетъ быть ... или холодность его васъ тревожить?.. Да, и я замѣтила съ нѣкотораго времени, что онъ не такъ любезенъ съ вами ... что онъ какъ-то равнодушиѣе ... Не скрывайте отъ меня ... я все понимаю ... это еще только цвѣточки въ любви ... мнѣ эта азбука знакома ... вѣдь я вдова.

ЮЛІА. Я ни въ чемъ не могу упрекнуть Гастона, совершенно ни въ чемъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Какъ-же! какъ-же! что ни говорите, а ему всегда можно сдѣлать упрекъ ... Вы думаете, что я этого не знаю? ... Что, молчите?.. Скажите, за что это чудовище перестало васъ любить?

ЮЛІА. Я не вѣрю, чтобъ онъ пересталъ любить меня, это невозможно!

ДЕ-ВАЛОРИ. Не скажу, чтобъ это было возможно, но можетъ быть, по слабости ... мы это всякой день видимъ ... Признайтесь, что и вы въ этомъ немного виноваты.

ЮЛІА. Я виновата?

ДЕ-ВАЛОРИ. Разумѣется, вы слишкомъ кротки, слишкомъ откровенны, чистосердечны ... вы скоро высказываетесь, я еще теперь вижу у васъ слезу на рѣсницѣ ... Эту слезу, моя душечка, надо скрыть подъ улыбкой, хоть-бы она стоила многихъ тайныхъ слезъ. Мои слова кажутся вамъ очень странными, не правда-ли? Но что-же дѣлать, такова жизнь. Еще то-ли вы узнаете!

ЮЛИЯ. Нѣтъ, я люблю Гастона, мнѣ грустно и я не умѣю притворяться веселой.

ДЕ-ВАЛОРИ. Какой-же вы ребенокъ! Да для того именно, чтобъ опять овладѣть Гастономъ, чтобъ привести его къ ногамъ вашимъ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, надо дѣлать то, что я вамъ говорю. Да возьмемъ въ примѣръ хоть-бы моего кузена, Анатоля, который не такъ дурень собой и вовсе не простъ; я вамъ уступаю его на время... онъ будетъ ухаживать за вами... будьте съ нимъ обходительны; онъ станетъ вамъ писать стихи—читайте ихъ... или покажите видъ, что вы ихъ читаете, однимъ словомъ, сведите его съ ума: ревность овладѣетъ Гастономъ, за это я отвѣчаю вамъ, и прежде окончанія вечера, онъ будетъ въ вашихъ рукахъ... тогда вы возвратите мнѣ Анатоля... Согласны? Средство не новое, но испытанное; оно всегда удается.

ЮЛИЯ. Что ни говорите, я не повѣрю, чтобъ Гастонъ разлюбилъ меня! Если онъ и удаляется отъ меня, такъ вѣрно у него важныя причины; мнѣ это больно, но я не жалуясь.

IX.

ТЪ-ЖЕ. АМАЛІЯ, ГРАФЪ, ПОТОМЪ АНТОНЪ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Подите сюда, моя милая Амалія, и вы также, графъ... надо сдѣлать строгій выговоръ мосье Гастону.

ГРАФЪ. Гастону? Чго-же онъ сдѣлалъ?

ЮЛИЯ. Прошу васъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Развѣ не знаютъ, что онъ долженъ быть вашимъ мужемъ? (*Графу*) Вашъ Гастонъ, просто, дикарь — вотъ и все.

ГРАФЪ. Какъ это?

ЮЛИЯ. Умоляю васъ!

ДЕ-ВАЛОРИ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не выдержу, не позволю, чтобъ этотъ негодный африканецъ обманулъ такое милое созданіе, какъ вы, и остался безъ наказанія.

ГРАФЪ. Обманулъ?

ДЕ-ВАЛОРИ. Разумѣется; развѣ вы не замѣтили, какъ этотъ красавецъ перемѣнился въ обхожденіи съ Юліей? Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ совсѣмъ не тотъ... А что за причина?... прошу сказать... (*Тихо графу*). Еслибъ вы принимали много гостей, такъ можно-бы еще предположить... мужчины такъ своенравны!... А то,

кроме Амаліи и меня здѣсь нѣтъ никого изъ женщинъ. (*Смѣясь*) Развѣ допустить, что онъ влюбился въ кого-нибудь изъ насъ.

ГРАФЪ. Что такое?

ДЕ-ВАЛОРИ (*со смѣхомъ*). Почему-же не такъ?.. Я любезна... Амалія очаровательна... Что-же тутъ мудренаго?

ГРАФЪ (*серьозно*). Какой вздоръ!

ДЕ-ВАЛОРИ. Вы въ-самомъ-дѣлѣ не примите этого въ трагическомъ видѣ... и не вбейте себѣ чего-нибудь въ голову... (*Тихо Амаліи*) Графъ вообразилъ, что Гастонъ влюбился въ васъ, моя милая; совѣтую вамъ быть осторожнѣе...

АМАЛІЯ (*въ смущеніи*). Каролина!

ГРАФЪ. Что-же такое? (*При послѣднихъ словахъ этой сцены, Юлія стоитъ всторонѣ; Анатоль только-что вошелъ и подходитъ къ ней.*)

АНАТОЛЬ. Ахъ! еслибъ суждено было другому, вмѣсто Гастона...

ЮЛІЯ. Покорно васъ благодарю.

X.

ТѢ-ЖЕ, ФРЕДЕРИКЪ, ПОТОМЪ АНТОНЪ.

ГРАФЪ. А вотъ и ты здѣсь, Фредерикъ!.. ты только-что посиѣлъ къ обѣду... вотъ уже Антонъ идетъ за тобой...

АНТОНЪ (*на порогъ*). Кушанье подано!

ГРАФЪ. Всегда съ добрыми вѣстями этотъ плутъ!.. (*Фредерику*) Фредерикъ, подайте вашу руку Амаліи (*г-жѣ де-Валори, подавая ей свою*) Госпожа наемщица...

ДЕ-ВАЛОРИ (*со смѣхомъ*). Признайтесь, графъ, что вамъ сдѣлалось страшно?

ГРАФЪ. Страшно? Спросите у Антона, случилось-ли это когда-нибудь?

ДЕ-ВАЛОРИ. Мы здѣсь не на полѣ сраженія.

ГРАФЪ (*Антону*). Не видалъ-ли ты Гастона?

АНТОНЪ. Сейчасъ видѣлъ въ саду.

ГРАФЪ. Поди, скажи, что мы садимся за столъ.

АНТОНЪ. Слушаю-съ, но прежде...

ГРАФЪ. Что такое?

АНТОНЪ. Хотѣлось сказать вамъ два слова.

ГРАФЪ. Опять!

АНТОНЪ. Вы обѣщали выслушать меня.

ГРАФЪ. Хорошо, сейчасъ. Позвольте..

ДЕ-ВАЛОРИ. Извольте, извольте, графъ ... мы васъ подождемъ въ столовой. (*Фредерику*) Вашу другую руку, докторъ (*беретъ руку Фредерика*). *Всѣ выходятъ, кроль графа и Антона*).

XI.

АНТОНЪ и ГРАФЪ.

ГРАФЪ. Ну, что такое? говори скорѣй...

АНТОНЪ. Вотъ что: сегодня утромъ, обходя садъ (*вынимаетъ изъ кармана бумажникъ*) я нашель...

ГРАФЪ (*беретъ бумажникъ*). Подаи (*разсматривая*). Славная находка ... чортъ возьми !.. Больше ничего ?

АНТОНЪ. Еще хотѣлъ вамъ сказать: въ прошлую ночь, Доминикъ видѣлъ барина, который краляся вдоль стѣны, подъ окнами...

ГРАФЪ. Подъ чьими окнами?

АНТОНЪ. Графини.

ГРАФЪ. Моей жены?

АНТОНЪ. Да, и бумажникъ поднялъ подъ ея окнами... Вотъ почему я не хотѣлъ отдать его никому кромѣ васъ.

ГРАФЪ. И прекрасно сдѣлалъ. (*Положивъ бумажникъ къ карману*) я думалъ, что онъ уже не отыщется?

АНТОНЪ. Такъ онъ вашъ?

ГРАФЪ. Чей-же? не твой-ли?

АНТОНЪ. Послѣ того, что я вамъ разъ говорилъ, я думалъ...

ГРАФЪ. Кто тебѣ велить думать?

АНТОНЪ. А этотъ баринъ, который краляся у стѣны—это были вы?

ГРАФЪ. Ты глупъ, братецъ; убирайся и держи языкъ за зубами.

АНТОНЪ (*всторону*). А все-таки графъ не спокоенъ.

ГРАФЪ (*топнувъ ногою*). Пошелъ вонъ! (*Антонъ уходитъ*).

ГРАФЪ (*остается одинъ, вынимаетъ изъ кармана бумажникъ и нетерпливой рукой открываетъ его*). Боже! Гастонъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Небольшая гостиная; три двери въ глубинѣ выходяція въ теплицы; дверь направо.
Зажжены свѣчи.

I.

РОЗА и АНТОНЪ, готовятъ подносы съ напитками; въ продолженіе всей сцены оркестръ играетъ кадрили.

РОЗА. Что ты тутъ дѣлаешь, Антонъ? еужели Нне пойдешь по-смотреть, какъ люди веселятся?

АНТОНЪ. Спасибо, мнѣ и безъ того есть чѣмъ заняться.

РОЗА. Прелестъ смотреть, какъ они разодѣты: у кого ленты, у кого букеты; подумаешь, что свадьба.

АНТОНЪ. Оттого-то мнѣ и не нравится ... терять не могу свадьбу.

РОЗА. Тебѣ это легко говорить, ты ужъ изъ лѣтъ выжилъ.

АНТОНЪ. Какъ?

РОЗА. Если женитьба не въ твоемъ вкусѣ, то зачѣмъ-же другихъ отговаривать?

АНТОНЪ. Знаемъ мы это изъ опыта.

РОЗА. Стало быть, ты былъ женатъ въ свое время?

АНТОНЪ. Никогда!

РОЗА. Жаль, ты былъ-бы славнымъ мужемъ.

АНТОНЪ. Можетъ быть ... да не таковскій... довольно... имѣемъ честь кланяться.

РОЗА. Прощай, Антонъ. (*Выходитъ въ среднія двери*).

II.

АНАТОЛЬ, ФРЕДЕРИКЪ.

АНАТОЛЬ. Что ни говорите, любезнѣйшій Фредерикъ, а я замѣтилъ сегодня утромъ, что мои стихи не понравились вамъ ... Не

думайте однако, что я имѣю намѣреніе затѣять съ вами ссору изъ этой бездѣлицы ... Нѣтъ ... я не изъ числа упрямыхъ рифмоплетовъ, которые изъ всѣхъ силъ быются, чтобъ ими восхищались; напротивъ, я люблю встрѣчать людей, которые говорятъ вамъ въ глаза, что ваши стихи негодны ... это меня забавляетъ.

ФРЕДЕРИКЪ (*садясь*). Въ-самомъ-дѣлѣ?

АНАТОЛЬ. По чести скажу, что я никогда не ощущалъ болѣе удовольствія, какъ въ тотъ день, когда на одномъ изъ парижскихъ театровъ въ первый разъ давали мою драму. Я сидѣлъ съ своими пріятелями въ углубленіи ложи, у сцены. Представьте себѣ (*Фредерикъ всталъ съ намѣреніемъ уйти, Анатолю, замѣтивъ это, подхватываетъ его подъ руку и продолжаетъ*), представьте себѣ, любезнѣйшій Фредерикъ, что съ перваго стиха по залѣ единогласно раздался крикъ; со всѣхъ сторонъ театра слышенъ былъ свистъ .. свистали, кажется, и за кулисами ... Прелесть и только, такъ-что пріятели мои и я надрывали себѣ бока со смѣху ... и теперь, какъ вспомнишь, такъ разсмѣешься ...

ФРЕДЕРИКЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ это должны обить забавно.

АНАТОЛЬ. Уморительно, клянусь вамъ ... Передо мною сидѣлъ какой-то толстякъ, который выходилъ изъ себя ... потъ градомъ и кричитъ: «авторъ этой пьесы оселъ! я требую, чтобъ мнѣ принесли уши автора!» Уморительный человѣкъ, до-нельзя насмѣшилъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Вѣрю ... позвольте мнѣ васъ оставить?..

АНАТОЛЬ (*удерживая его*). Припоминаю, между прочимъ, одинъ стихъ ... который ...

ФРЕДЕРИКЪ (*стараясь освободиться*). Извините, я желалъ-бы.

АНАТОЛЬ. Впрочемъ, стихъ довольно удачный ... подождите ... какъ бишь ... да ... нѣтъ ... ну, забылъ ...

ФРЕДЕРИКЪ (*уходя*). Меня ждутъ.

АНАТОЛЬ. Я иду за вами ... мнѣ непременно надо сказать вамъ этотъ стихъ ... я его припомню ... (*слѣдуя за Фредерикомъ*). Пожалуйста, любезнѣйшій, позвольте ... (*выходитъ влѣво*).

III.

АМАЛІЯ (*входитъ въ дверь съ правой стороны*).

Веселье этихъ людей утомляетъ меня ... разлѣмило голову! (*садится*) Какія у нихъ шутки, какихъ комплиментовъ они мнѣ наго-

ворили. Вѣрно, они сочли меня холодной ... гордой, можетъ быть; это не моя вина... я употребляла сверхъ-естественныя усилія, чтобъ смѣяться, какъ они ... танцовать ... но улыбка замирала у меня на губахъ, ноги подкашивались подо мною... тысяча мучительныхъ мыслей тѣснились въ моей головѣ посреди всего этого шума. (*Прохаживаясь съ волненіемъ*) Суровость Гастона при встрѣчѣ со мною, его молчаніе, упорство, съ которымъ онъ избѣгаетъ меня ... все это терзаетъ и наполняетъ страхомъ мою душу... Я хочу его видѣть ... я хочу, чтобъ онъ объявился ... я этого требую (*въ глубинѣ показывается Гастонъ*). Вотъ онъ, я едва стою на ногахъ (*она упирается о кресло*).

IV.

АМАЛІЯ, ГАСТОНЪ.

ГАСТОНЪ (*замѣтивъ Амалію*). Боже мой! (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, хочетъ уйти*).

АМАЛІЯ (*всторону*). Ободрюсь. (*Громко*) Это вы, мосьё Гастонъ! (*Онъ останавливается въ недоумѣніи*). Вы искали здѣсь уединенія и присутствіе мое испугало васъ ... успокойтесь, я уступлю вамъ мѣсто, если это нужно...

ГАСТОНЪ. Останьтесь, умоляю!.. Я поступилъ неосторожно, и ухожу.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, нѣтъ ... я беру васъ въ плѣнъ: вотъ вамъ наказаніе за вашу страсть къ уединенію, а притомъ мнѣ надо упрекнуть васъ во многомъ.

ГАСТОНЪ. Меня?

АМАЛІЯ. Да ... Почему хотите вы быть недоступнымъ?

ГАСТОНЪ. Я?.. Но я нисколько не имѣю на это притязанія.

АМАЛІЯ. Это дѣло другое!.. Хотите меня выслушать?

ГАСТОНЪ (*подвигая ей стулъ*). Слушаю.

АМАЛІЯ. Въ первый разъ еще вы въ моей власти; предупреждаю, что вамъ помилованья не будетъ... Почему вы всегда избѣгаете меня? Или я не понравилась вамъ?

ГАСТОНЪ. Вы, графиня?

АМАЛІЯ. Будемъ откровенны ... Я только часа два или три видѣла васъ въ добромъ расположеніи духа, это въ самый день вашего приѣзда ... и въ тотъ-же вечеръ вы вдругъ стали холодны со мною...

Что должна я думать о такой внезапной переменѣ? Могу—ли я упрекнуть себя въ чемъ—нибудь? Скажите.

ГАСТОНЪ. Вы, графиня? Нѣтъ, не будемъ никого обвинять, кромѣ моего характера; достаточно иногда бездѣлицы, чтобы заставить меня цѣлый день хмуриться.

АМАЛІЯ. Какая—же бездѣлица могла васъ такъ разстроить?

ГАСТОНЪ. Прошу, избавьте меня отъ объясненія, которое мнѣ слишкомъ тягостно.

АМАЛІЯ (*вставая и взявъ его за руку*). Нѣтъ, еще разъ скажу вамъ, я хочу возвратить вамъ ту веселость, которая вамъ такъ къ лицу ... хочу похвастать успѣхомъ ... вы подстрекнули мое самолюбіе... Скажите, наконецъ, чего бы вы хотѣли?..

ГАСТОНЪ (*строю*). Я желалъ—бы, чтобы Фредерикъ Берне оставилъ нашъ домъ.

АМАЛІЯ. Гастонъ!

V.

ТЪ-ЖЕ, АНАТОЛЬ.

АНАТОЛЬ. Проклятый стихъ! никакъ не могу припомнить. (*Увидѣвъ Амалію*). Графиня, вы изволили обѣщать мнѣ кадрили и я явился. Но, что съ вами? Боже мой, какъ вы блѣдны!

АМАЛІЯ. Ничего, ничего ... я готова.

АНАТОЛЬ. Ваши руки дрожатъ... Вы нездоровы!.. Я сію—минуту позову Берне.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, прошу васъ не безпокойтесь; я немного разстроена, вотъ и все; это пройдетъ ... Пойдемте...

АНАТОЛЬ. Графиня (*выходитъ вмѣстѣ съ Амаліей*).

ГАСТОНЪ (*одинъ*). Я переговорю съ нею ... это необходимо; но какъ это сдѣлать, посреди народа, который всюду слѣдитъ за нами? Нелучше ли написать къ ней?.. (*садится къ столу нальво и располагается писать*) Бѣдная женщина! и она также достойна сожалѣнія... Какъ ей должно быть тяжело въ этомъ нарядѣ и въ цвѣтахъ!..

VI.

ГАСТОНЪ, ДЕ-ВАЛОРИ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Ну, что вы тутъ дѣлаете, прекрасный мечтатель?.. вы не танцуете? эта молодежь удивительна!.. Съ кѣмъ-же прикажете намъ танцовать, если вы всѣ степенничаете?.. Что до меня, признаюсь, я никогда не была такъ весела ... я танцую съ Полемъ, съ Доминикомъ ... перехожу изъ рукъ Жака къ Батисту... Прелесть ... Они вертятъ мной и заставляютъ прыгать до потолка ... такъ-что до-сихъ-поръ не могу опомниться! Ужъ нечего сказать, молодцы крестьяне на пляску ... только они и умѣютъ веселиться, какъ должно ... (*подойдя къ Гастону и коснувшись его руки*) Что-же вы не слушаете меня?.. Гдѣ у васъ голова?.. (*Гастонъ встаетъ, г-жа Валори замѣчаетъ цвѣтокъ въ его руки*). Это что? Миѣ знакомъ этотъ цвѣтокъ!.. Вамъ дала его Амалія?

ГАСТОНЪ. Не знаю, что вы этимъ хотите сказать? (*бросаетъ цвѣтокъ*).

ДЕ-ВАЛОРИ. Ну, что съ вами сдѣлалось? зачѣмъ-же бросать? (*Поднимая*) Бѣдненькій!.. (*Гастонъ протягиваетъ руку, чтобъ взять его*): Нѣтъ, я его возьму себѣ.

ГАСТОНЪ. Что вы съ нимъ будете дѣлать?

ДЕ-ВАЛОРИ. Я нахожу вашъ вопросъ очень нескромнымъ. Вамъ даютъ цвѣтокъ, вы его бросаете на полъ, я случайно нахожусь тутъ и поднимаю его ... остальное до васъ не касается. Еслибъ вы дорожили этимъ цвѣткомъ, то напрасно не бросили его ... еслибъ вы его не бросили — я бы не подняла, это ясно ...

ГАСТОНЪ. Умоляю васъ, отдайте.

ДЕ-ВАЛОРИ. А я васъ умоляю оставить.

ГАСТОНЪ. Это невозможно.

ДЕ-ВАЛОРИ. Въ такомъ случаѣ, я вижу себя въ необходимости сохранить его у себя противъ вашей воли. (*Прищипливаетъ его къ груди*) Возьмите его теперь, если осмѣлитесь!.. онъ вамъ достанется только съ моею жизнью!

ГАСТОНЪ. Серьезно, я дорожу этимъ цвѣткомъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. И я также; если вы жалѣете о немъ, тѣмъ хуже для васъ ... а что я сдѣлаю изъ него — это мое дѣло, и я не обязана давать вамъ отчета ... я имѣю право сказать той, которая подарила вамъ

цвѣтокъ, какое вы сдѣлали употребленіе изъ ея подарка — я даже имѣю право показать его бѣдной Юліи, которую вы такъ жестоко покидаете!..

ГАСТОНЪ. Сударыня!..

ДЕ-ВАЛОРИ. Вашъ поступокъ ужасенъ, слышите-ли!.. Юлія любитъ васъ ... и ваше равнодушіе приводитъ ее въ отчаяніе... Да, сударь, ваше равнодушіе... Бѣдняжка! всякой день видишь, какъ она таетъ ... Я рѣшилась высказать вамъ всѣ мои мысли на этотъ счетъ; теперь я болѣе не смѣюсь ... поговоримте серьезно... Въ чемъ вы можете упрекнуть Юлію?

ГАСТОНЪ. Къ чему всѣ эти вопросы? по какому праву?

ДЕ-ВАЛОРИ. Если вы такъ принимаете вещи, то честь имѣю вамъ кланяться... Не удостоите-ли вы проводить меня?

ГАСТОНЪ. Извините, если я откажусь отъ этой чести: я не пойду на балъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Очень хорошо. (*Гастонъ идетъ къ двери направо*).

VII.

ДЕ-ВАЛОРИ.

Странный человекъ!.. Не влюбленъ-ли онъ въ самомъ-дѣлѣ въ Амалію? Неужели то, что смѣясь говорила я сегодня утромъ, справедливо? Но, къ чему Амалія дала ему этотъ цвѣтокъ?.. Теряюсь въ догадкахъ! (*стоитъ задумавшись въ глубинѣ сцены*).

VIII.

ФРЕДЕРИКЪ, АНАТОЛЬ, ДЕ-ВАЛОРИ.

(*Фредерикъ и Анатоль встрѣчаются на порогъ и входятъ, не замѣчая г-жи Валори*).

АНАТОЛЬ. Ну что, не говорилъ я вамъ, что припомню этотъ проклятый стихъ? Вотъ онъ: *цвѣтокъ любви цвѣтетъ зимой и лѣтомъ!* Повѣрите-ли и его освистали олухи, я боялся даже за этого толстаго господина, чтобъ его не ударилъ параличъ... А согласитесь, вѣдь очень мило сказано.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ—же, восхитительно!.. (*всторону*) Задушилъ меня!..

АНАТОЛЬ. Кстати, позвольте мнѣ приступить къ предмету, болѣе серьезному и который мнѣ очень близокъ къ сердцу.

ФРЕДЕРИКЪ. Говорите, что такое?

АНАТОЛЬ. Цвѣтокъ любви ... естественно приводитъ меня къ тому, что я влюбленъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Что вы говорите?

АНАТОЛЬ. Я вамъ говорю, что я влюбленъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Благодарю васъ за довѣріе; но что мнѣ до этого?...

АНАТОЛЬ. Позвольте ... я влюбленъ въ вашу сестрицу!

ФРЕДЕРИКЪ. А!

АНАТОЛЬ (*очень спокойно*). Да, сударь, я люблю неистовую любовь ... а какъ я имѣю состояніе, довольно ловокъ и достаточно уменъ... Видѣли вы мою статуэтку?

ФРЕДЕРИКЪ. Извините, если я васъ неребую; можетъ быть, вамъ неизвѣстно, что моя сестра уже невѣста графа Гастона де-Верьеръ?

ДЕ-ВАЛОРИ (*вступаясь*). Онъ это знаетъ; но какъ графъ Гастонъ обходится не такъ, какъ слѣдуетъ съ вашей сестрицей, вы позвольте мнѣ поддержать предложеніе моего двоюроднаго брата.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ, Гастонъ сказалъ вамъ?

ДЕ-ВАЛОРИ. Ничего, но поступки доказываютъ болѣе, нежели слова. Графъ Гастонъ де-Верьеръ ухаживаетъ за всѣми женщинами (*графъ показывается въ отдаленіи и останавливается*).

IX.

ТЪ-ЖЕ и ГРАФЪ.

ФРЕДЕРИКЪ. Гастонъ и за вами ухаживаетъ?

ДЕ-ВАЛОРИ. Нѣтъ, не за мною, а за другими ... Видите этотъ цвѣтокъ?.. Я его взяла у него ... здѣсь-же ... онъ только—что получилъ его; еслибъ вы видѣли, какъ онъ былъ взволнованъ ... онъ съ досады бросилъ этотъ бѣдный цвѣтокъ на полъ, я подняла... Скажите, натурально—ли все это?

АНАТОЛЬ. Покажите, что за цвѣтокъ; знаю, это амарилисъ грандифлора... онъ держалъ его въ рукахъ, когда я пришелъ за графиней...

ДЕ-ВАЛОРИ. Видите! Я говорила я вамъ, что онъ влюбленъ въ графиню?

ФРЕДЕРИКЪ. Помилуйте, что вы говорите... Можетъ-ли Гастонъ, влюбиться въ свою мачиху?

ДЕ-ВАЛОРИ. Почему-же нѣтъ?

АНАТОЛЬ. Это было-бы очень забавно. (*Увидѣвъ графа*) Чо ртъ возьми! графъ! (*всл молчатъ*).

ГРАФЪ (*съ принужденной улыбкой*). Что-же вы удалились отъ праздника, сударыня?

ДЕ-ВАЛОРИ. Помилуйте, графъ!

ГРАФЪ. Неужели вы будете такъ жестоки ко всѣмъ, которые ждуть васъ съ нетерпѣніемъ ... графиня вездѣ васъ ищетъ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Пойду къ ней на встрѣчу; вашъ вечеръ очарователенъ!

ГРАФЪ. Не правда-ли?

ДЕ-ВАЛОРИ (*всторону*). Онъ ничего не слышалъ. (*Громко*) Вашу руку, Анатоль ...

АНАТОЛЬ. Съ удовольствіемъ, кузина.

ГРАФЪ. Оставайтесь, докторъ; мнѣ нужно сказать вамъ два слова. (*Анатоля и г-жа Валори уходятъ*).

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Чего хочетъ онъ отъ меня?

X.

ГРАФЪ, ФРЕДЕРИКЪ, молчаніе, **ГРАФЪ** смотритъ влѣвъ **Г-ЖЪ ВАЛОРИ** и физиономія его принимаетъ выраженіе грусти; **ФРЕДЕРИКЪ** смотритъ на него съ безпокойствомъ.

ГРАФЪ (*обращаясь снова къ Фредерику*). Докторъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ!

ГРАФЪ. Вы другъ нашего дома, вы мой другъ, я всегда обращался съ вами, какъ съ сыномъ и пришелъ къ вамъ просить совѣта.

ФРЕДЕРИКЪ. Совѣта?

ГРАФЪ. Да, одно существо, которое я любилъ болѣе всего въ мірѣ, употребило во зло мое довѣріе и отравило мою жизнь.

ФРЕДЕРИКЪ. Что вы хотите сказать?

ГРАФЪ. Этотъ человѣкъ вошелъ въ мой домъ, чтобы похитить у меня жену!

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ!

ГРАФЪ. Этотъ человѣкъ, который обязанъ былъ имѣть ко мнѣ уваженіе, нанесъ безчестіе моему имени.

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ!

ГРАФЪ. И этотъ человекъ — Гастонъ!

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Боже мой!

ГРАФЪ. Да, докторъ! теперь скажите, что мнѣ дѣлать?

ФРЕДЕРИКЪ. Увѣрены-ли вы, графъ?

ГРАФЪ. Увѣренъ. Замѣтили вы, съ недѣлю тому, странную перемену въ характерѣ Гастона, его внезапную холодность къ Юліи ... а сейчасъ слышали-ли вы, что говорила г-жа Валори, и что все будутъ повторять по ея милости?

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ, графъ: неужели вы повѣрите глухимъ предложеніямъ этой суетной женщины?

ГРАФЪ. Въ этомъ случаѣ она вполне права, и исторія цвѣтка доказываетъ, что дѣло уже дошло до любовныхъ ссоръ!.. Въ добавокъ, не въ этомъ одномъ доказательство ... Видите-ли вы этотъ бумажникъ? Онъ принадлежитъ Гастону и потерянъ имъ нынѣшнею ночью, подъ окнами моей жены.

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Амалія угадала.

ГРАФЪ. Если я прибавлю ко всему этому непонятное поведеніе его со всеми нами, съ Юліей, что прикажете мнѣ думать?.. А!.. вы не отвѣчаете, вы убѣждены, не правда-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Нѣтъ, графъ... что-бы вы ни сказали, я не повѣрю, Гастонъ не можетъ увлечься подобной любовью. Я его знаю и могу васъ увѣрить, что мысль о коварной измѣнѣ не можетъ проникнуть въ его благородное сердце.

ГРАФЪ (*услышисъ*). А какъ знать, докторъ?.. Амалія молода, прекрасна, очаровательна, а Гастонъ влюбленъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Что-же вы ходите дѣлать, графъ?

ГРАФЪ. Разстаться съ нимъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ! вы хотите...

ГРАФЪ. Что-же мнѣ остается?.. я надѣюсь, что любовь ихъ не далеко зашла ... Но кто можетъ мнѣ отвѣчать за сердца двухъ молодыхъ людей, которымъ суждено быть безпрестанно вмѣстѣ!.. Я на это рѣшаюсь изъ одной предосторожности (*встаетъ*). Вы молчите ... вы сами видите, что нѣтъ другаго спасенія.

ФРЕДЕРИКЪ. На вашемъ мѣстѣ, графъ, я-бы не рѣшился; я-бы подождалъ еще въ избѣжаніе огласки.

ГРАФЪ. А между-тѣмъ, я дамъ разнестиь глухимъ пересудамъ г-жи Валори, не правда-ли! Нѣтъ, докторъ ... это невозможно ... огласки я не хочу; переговорю съ Гастономъ ... и тогда все рѣшится.

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Мы погибли!

ГРАФЪ. Что касается до моей жены, она не узнаетъ причины его отъѣзда, я не хочу нарушать ея спокойствіе; не хочу въ мои лѣта навлекать на себя смѣшное названіе ревнивца... А какъ я жестоко страдаю, докторъ!.. Растаться съ Гастономъ, котораго я пять лѣтъ не видалъ... Что съ вами?.. вы отварачиваетесь... вы плачете?.. благодарю... (*Фредерикъ живо отнимаетъ руку и хочетъ уйти*).

ФРЕДЕРИКЪ. Прощайте, графъ!..

ГРАФЪ. Куда вы?

ФРЕДЕРИКЪ. Вотъ Гастонъ.

ГРАФЪ. А! вы правы; идите, идите! (*Фредерикъ и Гастонъ встрѣчаются на порогъ двери и долго смотрятъ другъ на друга*).

XI.

ГАСТОНЪ, ГРАФЪ. Графъ сѣлъ, Гастонъ держитъ письмо.

ГРАФЪ (*показывая Гастону знакомъ, чтобъ онъ подошелъ*).
Гастонъ!

ГАСТОНЪ. Я здѣсь, батюшка!

ГРАФЪ. Ты знаешь, какъ я тебя любилъ, какъ заботился о твоёмъ дѣтствѣ, о твоей молодости.

ГАСТОНЪ. Точно, батюшка!

ГРАФЪ. Я былъ для тебя больше, чѣмъ отецъ: я былъ тебѣ другомъ!

ГАСТОНЪ. Это правда!

ГРАФЪ. Ты никогда не могъ жаловаться на меня, не правда-ли?

ГАСТОНЪ. Никогда!

ГРАФЪ. И теперь, по возвращеніи, ты нашелъ меня такимъ-же, какъ я былъ и прежде.

ГАСТОНЪ. Разумѣется... Но къ кому все это, батюшка!..

ГРАФЪ (*вставая*). Итакъ, если я всегда исполнялъ свою обязанность въ отношеніи къ тебѣ, то, сынъ мой, исполнялъ-ли свои обязанности въ отношеніи ко мнѣ?

ГАСТОНЪ. Какъ!

ГРАФЪ. Выслушай, Гастонъ, ты ужасно измѣнился въ продолженіе недѣли!

ГАСТОНЪ. Я?

ГРАФЪ. Да, ты. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, скажи, что съ тобою?

(*Молчаніе Гастона*). Знаешь-ли, что ты почти грубъ съ бѣдняжкой Юліей. Когда ты женишься?

ГАСТОНЪ. Мы успѣемъ подумать объ этомъ, батюшка.

ГРАФЪ. Нѣтъ, я не люблю, чтобы дѣла откладывались въ длинный ящикъ; такъ-какъ этотъ бракъ рѣшенъ, то надо привести его къ концу.

ГАСТОНЪ. Да развѣ нельзя намъ отложить его на-время?

ГРАФЪ. Къ чему-же откладывать?.. Я не узнаю тебя; ты былъ такъ нетерпѣливъ недѣлю тому назадъ!..

ГАСТОНЪ. Это потому ... Словомъ, батюшка ... я не могу жениться теперь.

ГРАФЪ. Послушай, неужели ты думаешь, что я способенъ выносить твои капризы?.. Сказывай: какая у тебя причина на это?

ГАСТОНЪ. Извините, я не могу сказать вамъ этого.

ГРАФЪ. Хорошо, я не хочу проникать твою тайну (*Гастонъ хочетъ идти*). Еще слово. (*Онъ возвращается*). Знаешь-ли ты этотъ бумажникъ?

ГАСТОНЪ. Это мой.

ГРАФЪ. Сегодня ночью его нашли подъ окнами Амаліи; тамъ-ли ты потерялъ его?

ГАСТОНЪ. Тамъ, батюшка.

ГРАФЪ. А что я долженъ думать объ этомъ?..

ГАСТОНЪ. Ничего для меня безчестнаго!..

ГРАФЪ. Однако, ваше присутствіе тамъ, въ тѣніе часы, довольно странно... Объясните-ли вы мнѣ это?..

ГАСТОНЪ. Нѣтъ!

ГРАФЪ. Нѣтъ!... Знаете-ли, это еще добрый знакъ съ вашей стороны ... вы опустили голову и молчите... Да и что можете вы сказать въ свое оправданіе ... кромѣ лжи?

ГАСТОНЪ. Батюшка!

ГРАФЪ. Ни слова болѣе!

ГАСТОНЪ. Клянусь вамъ.

ГРАФЪ. Ни слова, говорю я тебѣ ... не заставляй меня сомнѣваться въ твоей чести.

ГАСТОНЪ. О, Боже мой! выслушайте меня, графъ! Ужели вы могли подумать, хотя одно мгновеніе, что я вашъ соперникъ? Я обронилъ, этотъ бумажникъ, прогуливаясь въ паркѣ. Что касается до Юліи, развѣ я не могу имѣть другія причины разстаться съ нею? Боже мой! вы мнѣ не вѣрите!.. Что-же я могу сказать, чтобъ вырвать изъ вашего сердца это ужасное подозрѣніе?

ГРАФЪ. Что ты можешь сказать? Скажи мнѣ, кому адресовано письмо, которое ты держишь въ рукѣ?

ГАСТОНЪ. Это письмо?

ГРАФЪ. Да, это письмо. *(Вырываетъ его).*

ГАСТОНЪ *(пораженный).* Батюшка!..

ГРАФЪ. «Графиня де-Верьеръ!» *(Гастону).* Да говори-же, докажи мнѣ, что ты невиновенъ, что я напрасно обвиняю тебя; оправдайся, наконецъ!.. Или ты не видишь, что я жду, что твое молчаніе убиваетъ меня? А, теперь ты молчишь, ты стоишь неподвижно. По-крайней-мѣрѣ, чтобъ я не имѣлъ въ рукахъ доказательства твоего преступленія. *(Онъ раздираетъ письмо).* Завтра ты уѣдешь отсюда.

ГАСТОНЪ. Вы меня изгоняете.

ГРАФЪ. Не самъ-ли ты этого захотѣлъ, несчастный?

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, это невозможно... прощайте, графъ... *(Идетъ и садится нальво).*

ГРАФЪ. Прощай!.. *(Послѣ нѣкоторой нерешительности, онъ возвращается къ Гастону и протягиваетъ ему руку черезъ плечо, которую послѣдній сжимаетъ въ своихъ).* Ты не уѣдешь, не повнидавшись со мною, такъ-ли? *(Выходитъ въ дверь нальво).*

ХИ.

ГАСТОНЪ, потомъ ФРЕДЕРИКЪ.

ГАСТОНЪ. Да, я уѣду, но не оставлю за собою безчестія въ домѣ родительскомъ... Кончено!... жребій брошенъ — или онъ убьетъ меня, или я его убью!.. и я ничего не могъ сказать, ничего не могъ отвѣчать... Надо было оставить это ужасное подозрѣніе въ сердцѣ графа!.. Я влюбленъ въ его жену, какое безумство!.. О! я отомщу за себя!..

ФРЕДЕРИКЪ *(подходя къ нему прямо).* Гастонъ!

ГАСТОНЪ. Это вы?

ФРЕДЕРИКЪ. Отецъ вашъ сказалъ вамъ...

ГАСТОНЪ. Да, все, все сказалъ... но я нахожу весьма страннымъ, что онъ васъ избралъ своимъ повѣреннымъ... Если онъ просилъ у васъ совѣта, то позвольте и мнѣ сдѣлать то-же. Какъ мнѣ вести себя, по вашему мнѣнію, съ тѣмъ; кто пришелъ въ домъ мой, чтобъ нанести ему безчестіе и, забывъ всѣ связи дружбы и признательности, безчеловѣчно отравить жизнь моего благодѣтеля и мою?.. Что мнѣ остается дѣлать, отвѣчайте!

ФРЕДЕРИКЪ. И вы спрашиваете, Гастонъ?

ГАСТОНЪ. Я долженъ васъ убить, не правда-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Я къ вашимъ услугамъ.

ГАСТОНЪ. Да, вы храбры, я это знаю; но когда я васъ убью, кто мнѣ возвратитъ мое счастье, скажите? Возвратитъ-ли мнѣ это довѣріе графа, который сталъ подозрѣвать меня... возвратитъ-ли мнѣ Юлію, которую я люблю и лишаюсь навсегда?.. Вѣдь вы ее убили.

ФРЕДЕРИКЪ. О, замолчите!

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, не замолчу, нѣтъ, я довольно выстрадалъ, чтобъ въ свою очередь заставить и васъ страдать. Вы думаете, что тѣмъ только и раздѣляетесь, что храбро примете пулю въ лобъ. Такъ нѣтъ-же, я хочу быть вашимъ мучителемъ. Да, сударь, вы убійца вашей сестры! Она любитъ меня и умретъ отъ отчаянія. Вы постушили... подло ... да ...

ФРЕДЕРИКЪ. Милостивый государь!

ГАСТОНЪ. Слышите-ли вы, подло!.. Я хотѣлъ избѣжать огласки, вы это знаете; я думалъ удалить васъ, вы отказались!.. теперь я ѣду, но хочу ѣхать съ полнымъ мщеніемъ, а самъ я найду пулю въ Африкѣ, если не вамъ удастся убить меня завтра. (*Идетъ и садится направо*).

ФРЕДЕРИКЪ. Завтра утромъ — согласенъ!.. Одно слово, Гастонъ: были-ли вы довольно великодушны, чтобъ спасти честь графини де-Верьеръ?

ГАСТОНЪ. Да, сударь.

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ не полагаетъ, что она преступна?

ГАСТОНЪ. Нѣтъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Разрушите-ли вы его заблужденіе?

ГАСТОНЪ. Это уже было-бы сдѣлано, еслибъ зависѣло отъ меня.

ФРЕДЕРИКЪ. Благодарю васъ. Завтра увидимся...

ГАСТОНЪ (*вставая*). Рано утромъ.

(*Фредерикъ уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Булуаръ графини де-Верьеръ. Двѣ двери въ глубинѣ сцены. Направо спальня Амаліи, налѣво кабинетъ, направо окно. Двѣ свѣчи освѣщаютъ сцену.

I.

АМАЛІЯ и **РОЗА**. Амалія входитъ въ среднюю дверь за нею Роза.

АМАЛІЯ. Тутъ въ моей спальнѣ, на каминѣ (*указываетъ на дверь съ правой стороны и опускается въ кресла. Роза входитъ въ спальню и въ ту-же минуту возвращается съ флакономъ въ руки*). Мнѣ измѣняются силы (*беретъ флаконъ изъ рукъ Розы*) Хорошо ... оставь меня.

РОЗА. Если прикажете, можно послать за господиномъ Фредерикомъ.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, ненужно ... не безпокой никого ... мнѣ лучше ... ступай! (*Роза входитъ въ спальню Амаліи*).

II.

АМАЛІЯ, потомъ **ФРЕДЕРИКЪ**.

АМАЛІЯ Наконецъ, я одна и могу плакать ... (*закрываетъ лицо руками; минута молчанія; Фредерикъ показывается въ отдаленіи*).

ФРЕДЕРИКЪ. Амалія.

АМАЛІЯ (*вставая*). Это вы. О, ради Бога, пзъ сожалѣнія, оставьте меня! Чего вы отъ меня хотите?

ФРЕДЕРИКЪ. Тихе, Амалія, тихе!

АМАЛІЯ. Нѣтъ!.. все кончено ... прощайте!

ФРЕДЕРИКЪ. Мнѣ нужно поговорить съ вами ... вы должны меня выслушать!

АМАЛІЯ. Взгляните на меня: развѣ я не довольно блѣдна, развѣ мало изнурена стыдомъ и страданіемъ? Вы меня обманывали, вы мнѣ лгали, когда говорили, что можно быть измѣнницею и при этомъ не терять семейнаго счастья, уваженія свѣта и почтенія къ самой себѣ; вы лгали, когда обѣщали мнѣ счастье! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я слушаю ваши увѣренія, я только знаю слезы и страданія; вы нисколько не имѣли ко мнѣ жалости, вы меня погубили ... растерзали мое сердце, вы меня уничтожили!..

ФРЕДЕРИКЪ (*схвативъ ее за руки*). Амалія! Амалія! (*Амалія вырывается и садится направо*).

АМАЛІЯ. Знаете-ли: Гастонъ все угадалъ, все понялъ ... теперь я увѣрена ... Можетъ быть завтра, можетъ-быть сію-минуту, онъ все скажетъ графу.

ФРЕДЕРИКЪ. Нѣтъ, успокойтесь ... Гастонъ ничего не скажетъ ... онъ мнѣ обѣщаль.

АМАЛІЯ. Обѣщаль? Гастонъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Онъ рѣшился лучше сносить подозрѣніе графа, чѣмъ открыть тайну, которая можетъ васъ погубить.

АМАЛІЯ. Подозрѣніе графа ... что это значитъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ думаетъ, что онъ влюбленъ въ васъ.

АМАЛІЯ. Что Гастонъ влюбленъ въ меня?

ФРЕДЕРИКЪ. Прошлую ночь, подъ вашими, окнами нашли бумажникъ Гастона; г-жа де-Валори шутя сказала нѣсколько словъ; вы подарили Гастону цвѣтокъ, Гастонъ, сталъ равнодушенъ къ Юліи, графъ это узналъ, и все это возбудило подозрѣніе.

АМАЛІЯ. Боже мой!

ФРЕДЕРИКЪ. Гастонъ будетъ молчать, я въ немъ увѣренъ; но сегодня, можетъ быть, сейчасъ, графъ станетъ васъ допрашивать. Что вы ему скажете?

АМАЛІЯ (*вставая*). Всю правду!

ФРЕДЕРИКЪ. Онъ васъ убьетъ.

АМАЛІЯ. Можетъ быть.

ФРЕДЕРИКЪ. Я этого не хочу, я васъ люблю и хочу, чтобъ вы жили ... Надо бѣжать.

АМАЛІЯ. Бѣжать?

ФРЕДЕРИКЪ. Необходимо, вашъ балъ еще въ разгарѣ; мы можемъ бѣжать, не возбудивъ никакихъ подозрѣній; у калитки парка насъ будетъ ждать карета ... завтра мы въ Парижѣ, послѣ-завтра въ Лондонѣ.

АМАЛІЯ. Что вы предлагаете?

ФРЕДЕРИКЪ. Единственное средство къ спасенію.

АМАЛІЯ. Лучше смерть, чѣмъ это униженіе!

ФРЕДЕРИКЪ. Я вамъ не все сказалъ. Если вы не хотите бѣжать со мною, я черезъ нѣсколько часовъ долженъ стрѣляться съ Гастономъ.

АМАЛІЯ. Боже мой! Дуэль... между вами?

ФРЕДЕРИКЪ. Теперь вы поняли? Если мы вмѣстѣ уѣдемъ сейчасъ, я завтра не явлюсь на свиданіе къ Гастону; это низость, но что дѣлать: ваше спасеніе мнѣ дороже чести, послѣ я отыщу ее. (*Тихо*). Тпше! вотъ сестра моя... (*гроико*). Успокойтесь, все это пройдетъ. Вотъ Юлія; я увѣренъ, что она пришла освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ. Оставляю васъ съ нею... (*тихо*). Ни слова болѣе... ждите меня (*уходитъ*).

III.

ЮЛІЯ. АМАЛІЯ.

ЮЛІЯ. Я боялась...

АМАЛІЯ (*всторону*). Да, допустить эту дуэль... это ужасно! (*Кидивъ передъ собою Юлію*). А! это ты Юлія... извини меня, мое дитя... я забыла; что ты здѣсь.

ЮЛІЯ. Роза сказала мнѣ, что вы нездоровы и я прибѣжала.

АМАЛІЯ. Благодарю тебя! (*жметъ ей руку*). Теперь все прошло, ты впадешь, я смѣюсь.

ЮЛІЯ. Какъ ваши руки холодны!

АМАЛІЯ. Холодны?... Тебѣ кажется.

ЮЛІЯ. А на глазахъ слезы.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, ты ошибаешься (*утираетъ себя глаза*)... о чемъ стану я плакать? Сядь вотъ сюда. (*Юлія садится возлѣ Амаліи, которая беретъ ее за руку*). Весело-ли тебѣ было на праздникъ, много-ли ты танцевала?... Расскажи мнѣ... я все хочу знать... мнѣ кажется, Анатолий ухаживалъ за тобой; смотри, берегись: поэты — люди опасные! Долго-ли предъстится хорошими стихами?... Правда, что стихи его... Бѣдняжка, онъ не виноватъ... Да говори-же... скажи мнѣ что-нибудь... повтори мнѣ все, что ты слышала... Былъ-ли разговоръ обо мнѣ? что говорили? ужъ вѣрно что-нибудь дурное?

ЮЛІЯ. Напротивъ.

АМАЛІЯ. Ты боишься огорчить меня?

ЮЛІА. Нѣтъ, увѣряю васъ.

АМАЛІА. Вѣрю, вѣрю! (*всматриваясь въ нее съ нѣжностію*). Знаете ли, сударыня, что вы очаровательны съ вашими большими голубыми глазами, которые смотрятъ такъ томно, съ этой милой блѣдностью, которая покрываетъ ваши щеки ... Много ли наговорили вамъ комплиментовъ?

ЮЛІА. У меня есть просьба до васъ, графиня; вы такъ ко мнѣ добры.

АМАЛІА. Говори .. говори скорѣй ... чего ты хочешь?..

ЮЛІА. Я хотѣла просить васъ поговорить обо мнѣ съ братомъ.

АМАЛІА. Съ Фредерикомъ?

ЮЛІА. Да.

АМАЛІА. Что-же сказать ему?

ЮЛІА. Что я прошу его отвезти меня въ монастырь, изъ котораго я недавно выпущена.

АМАЛІА (*вставая съ Юліей*). Въ монастырь?.. Ты опять хочешь въ монастырь!.. Развѣ тебѣ скучно съ нами, мое милое дитя? Ты здѣсь несчастлива у насъ?

ЮЛІА. Я не жалуясь ... я никого не обвиняю (*со слезами*). Если я не могу принадлежать ему, то вѣрно какое-нибудь непреодолимое препятствіе разлучаетъ насъ. Онъ мнѣ такъ сказалъ и я ему вѣрю.

АМАЛІА. Кто? Гастонъ! (*всторону*). О! теперь понимаю ... бѣдное дитя ... я разрушила и ея счастье. (*Вслухъ*). Утри слезы, Юлія, я увижусь съ Гастономъ и поговорю съ нимъ.

ЮЛІА. Прошу васъ, не говорите ему.

АМАЛІА. Будь покойна. Я хочу вывѣдать у него эту тайну, я хочу знать, что это за препятствіе, понимаешь?.. Можетъ быть, мы напрасно тревожимся.

ЮЛІА (*съ радостію*). Вы думаете?

АМАЛІА. Ступай къ гостямъ, отыщи его и скажи, что я его здѣсь ожидаю; онъ вѣрно не откажется придти.

ЮЛІА. Что вы ему скажете?

АМАЛІА. Обѣщаю тебѣ, что не скажу ни слова о нашемъ разговорѣ. Я распрошу его отъ себя и передамъ тебѣ слово въ слово все, что онъ мнѣ скажетъ.

ЮЛІА. Какъ вы добры!

АМАЛІА. Ступай, мой другъ исполни мое порученіе . . скажи ему,

что я хочу поговорить съ нимъ. (*Она цѣлуетъ Юлію въ лобъ и возвращается въ свою спальню. Юлія хочетъ идти, въ боковой двери показался графъ*).

IV.

ЮЛІЯ, ГРАФЪ

ГРАФЪ. Это вы, Юлія... Я думалъ найти здѣсь Амалію.

ЮЛІЯ. Графиня только-что оставила меня, она пошла въ свою комнату.

ГРАФЪ. Вы не знаете, отчего Амалія такъ рано оставила гостиную?

ЮЛІЯ. Она чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, какъ мнѣ кажется... Успокойтесь, теперь ей лучше.

ГРАФЪ. Я васъ не удерживаю, мое милое дитя. Вы вѣрно спѣшите на праздникъ?

ЮЛІЯ. Графиня поручила мнѣ попросить къ себѣ господина Гастона.

ГРАФЪ. А! (*Удерживаясь*) Хорошо, идите... (*Юлія уходитъ*).

V.

ГРАФЪ одинъ.

Она ждетъ его! (*минута молчанія, онъ прохаживается съ волненіемъ*). Кчему это свиданіе? Что она хочетъ сказать ему?... (*Сядься*). О! этого быть не можетъ... Амалія не способна... Этотъ послѣдній ударъ убьетъ меня. (*Молчаніе. Онъ встаетъ*). Вѣрно она угадала его преступную страсть и хочетъ вразумить его... но я не могу повѣрить... Нѣтъ, нѣтъ; это было-бы слишкомъ коварно!.. Она туть! (*Приподнимаетъ занавѣсъ, двери, которая ведетъ въ спальню*). На колѣнахъ... Она молится... Не проситъ-ли она прощенія у Бога? (*Опускаетъ занавѣсъ*). Прощенія... о! я буду неумолимъ... Я не прощу!.. Горе ему и ей, если они обманули меня... (*Подходя къ окну*). Антонъ, Антонъ! Здѣсь-ли ты?

АНТОНЪ (*спаруживъ*). Здѣсь, ваше сіятельство!

ГРАФЪ. Дай мнѣ pistols.

АВТОНЪ. Вотъ они.

ГРАФЪ. Хорошо! Не отходи далеко (*Беретъ pistols, кладетъ ихъ въ карманы и запираетъ окно*): Кто-то пдегь ... эго онъ! Я буду здѣсь. О! Боже мой, сжался надо мной! (*Входитъ въ кабинетъ*).

VI.

ГАСТОНЪ, потомъ АМАЛІЯ.

ГАСТОНЪ. Никого нѣтъ! Она вѣрно въ своей спальнѣ, подожду здѣсь ... Что она хочетъ мнѣ сказать?... Теперь уже поздно!...

АМАЛІЯ (*входитъ и видитъ Гастона*). Боже! (*Колеблется*).

ГАСТОНЪ (*поддерживая ея*). Графиня! (*ведетъ ее къ дивану и усаживаетъ*).

АМАЛІЯ. Гастонъ ... стыдъ и страданія терзаютъ меня!.. Вы меня презираете и имѣете полное право, я не смѣю прямо взглянуть на васъ ... мнѣ хотѣлось поговорить съ вами, я должна вымолить у васъ прощеніе.

ГАСТОНЪ. У меня, графиня?

АМАЛІЯ (*сажая его возль себя*). Да, у васъ; вы позволили обвинить себя за мой проступокъ, вы не хотѣли обезчестить меня въ глазахъ графа, вы были великодушны къ несчастной женщинѣ, которая и безъ того убита.

ГАСТОНЪ. Какъ, графиня, вы знаете ...

АМАЛІЯ. Да, я все знаю. Я знаю, что вы благороднѣйшій изъ людей ... Какъ я несчастлива! Я не имѣю даже права благодарить васъ!.. Я не хочу этой жертвы ... Не хочу, чтобъ графъ подозрѣвалъ васъ ... Не хочу прибавить еще одно угрызение къ тому, которое терзаетъ меня ... Не прерывайте меня, Гастонъ ... Я не хочу, чтобъ вы лишились за меня отеческой дружбы и любви. Истина должна быть открыта, хотя-бы это стоило мнѣ жизни, и если вы не выскажете ея, то я сама ее открою. (*Она встаетъ. Гастонъ удерживаетъ ее за руку*).

ГАСТОНЪ. Обдумали-ли вы, что хотите дѣлать? (*Заставляетъ ее стять возль себя*).

АМАЛІЯ. Да, я объ этомъ безпрестанно думаю и не хочу, чтобъ вы когда-нибудь проклинали меня, чтобъ вы говорили: у этой женщины не было души, она покрыла стыдомъ имя моего отца... Я не хочу, чтобъ вы могли сказать это — и тогда, можетъ быть, вы пожалѣете обо мнѣ, можетъ быть, вы въ глубинѣ души вашей сохраните нѣсколько состраданія къ несчастной женщинѣ, которая была слаба, но не лишилась всякаго благороднаго чувства.

ГАСТОНЪ (*вставая*). Графиня!

АМАЛІЯ. Еслибъ вы знали, Гастонъ, какъ преступленіе мало-помалу завладѣло мною, какъ я была невольно увлечена въ пронасть... какими мольбами, какими страшными угрозами этотъ человекъ овладѣлъ моею совѣстію... Я не оправдываю себя... Нѣтъ!.. я должна была сопротивляться!.. Но я такъ страдала... Гастонъ, умоляю васъ на колѣнахъ, простите меня!..

ГАСТОНЪ (*поднимая ее*). Графиня!.. О... Фредерикъ! (*Шумъ въ кабинетъ*).

АМАЛІЯ. Боже мой!

ГАСТОНЪ. Что такое?

АМАЛІЯ. Мнѣ послышалось...

ГАСТОНЪ. Успокойтесь, мы одни. Выслушайте меня: графъ счастливъ вами... открыть ему истину — значитъ убить его! Я васъ прошу, не дѣлайте этого; въ свою очередь, я умоляю васъ: заботьтесь о спокойствіи, осчастливьте его старость и тогда... я васъ прошу!.. Что-же до меня, я уѣду... Черезъ нѣсколько лѣтъ грустное подозрѣніе, которое зародилось въ немъ, изгладится изъ его памяти; тогда я возвращусь и займу опять мое мѣсто въ нашемъ семействѣ.

АМАЛІЯ. Но... Фредерикъ.

ГАСТОНЪ. О! не говорите мнѣ о Фредерикѣ, графиня! Онъ или я...

АМАЛІЯ. Онъ или вы не будете существовать завтра, такъ-ли?... И вы думаете, что я соглашусь, и приму этотъ грѣхъ на душу?... Графъ будетъ въ правѣ требовать у меня отчета за жизнь своего сына!... Нѣтъ, скорѣе смерть!.. А Юлія, Юлія, которую вы такъ любите,... Ахъ, Гастонъ! Вѣдь вы и ее также погубите, Гастонъ, изъ любви къ Юліи...

ГАСТОНЪ. Довольно! Вы раздираете мое сердце, но я не отступлю отъ своего долга... Я не больше цѣню свое счастье, чѣмъ счастье отца... И по этому не старайтесь отклонять меня отъ моего намѣренія: оно неизмѣнно.

АМАЛІЯ (*всторону*). Нѣтъ, это невозможно! Онъ стрѣляться не будетъ ... Я бѣгу!

ГАСТОНЪ. А теперь, графиня, утрите ваши слезы, принудьте себя улыбнуться и покажитесь на праздникѣ, гдѣ отсутствіе ваше можетъ обезножить моего отца.

АМАЛІЯ. Да, вы правы, надо улыбаться ... (*она рыдаетъ*). Какъ вы думаете, Гастонъ, довольно-ли я наказана?.. Теперь будьте и вы добры ... Гастонъ ... Не проклиняйте меня ... Прощайте. (*Выходитъ въ дверь нальво*).

VII.

ГРАФЪ, ГАСТОНЪ. Графъ показывается на порогъ кабинетной двери.

ГАСТОНЪ. Графъ! (*Графъ тихо подходитъ къ нему и, ни слова ни говоря, падаетъ передъ нимъ на колѣни*). Батюшка! Что вы дѣлаете?

ГРАФЪ. И я его осуждалъ!.. Гастонъ! Благородная душа! (*Гастонъ поднимаетъ графа, который прижимаетъ его къ груди*).

ГАСТОНЪ. Вы были тутъ...

ГРАФЪ. Да, и все слышалъ ... Конечно ... я убить ... видишь... но ты ... ты простишь меня ... неправда-ли?

ГАСТОНЪ. Ахъ! Батюшка ...

ГРАФЪ. Посмотри!.. Я плачу въ первый разъ въ жизни ... Я такъ любилъ тебя!.. Ахъ! я безумецъ!.. Я обвинялъ тебя ... они изверги ... О! я за все отмщу!

ГАСТОНЪ. Ей?

ГРАФЪ. Нѣтъ, кчему мнѣ скрывать отъ тебя мою слабость? Гастонъ, я чувствую, что еще люблю ее ... Нѣтъ, не ей, (*бросается къ нему въ объятія и плачетъ*) а ему.

ГАСТОНЪ. Это мое дѣло, батюшка; такъ-какъ вы слышали...

ГРАФЪ. Да, вы должны стрѣляться, я это знаю, но я не хочу!.. Это моя обида, а не твоя... Я хочу, чтобъ ты жилъ, Гастонъ . . Если онъ меня убьетъ, такъ только нѣсколькими днями ускорить мою смерть.

ГАСТОНЪ. Нѣтъ. батюшка, не наносите мнѣ этого оскорбленія!.. Я вызвалъ Фредерика и долженъ стрѣляться. Захотите-ли вы, чтобъ на меня пала, хоть тѣнь низости?

ГРАФЪ. Ну, согласенъ. Когда вы стрѣляетесь?

ГАСТОНЪ. Завтра утромъ.

ГРАФЪ. Хорошо ... теперь ступай, отдохни, Гастонъ.

ГАСТОНЪ. А Амалія?

ГРАФЪ. Амалія! О, неблагодарная! Неблагодарная!.. Какъ она заставила меня страдать!... Зачѣмъ она вышла за меня, если не могла меня любить?... Но ты простилъ ей, Гастонъ ... Я ей прощаю!.. О, нѣтъ, дѣтъ, она не узнаетъ, что мнѣ извѣстенъ ея проступокъ и тогда, можетъ быть ... можетъ быть ... она еще будетъ меня любить...

ГАСТОНЪ. Батюшка!

ГРАФЪ. Ну, теперь довольно ... Ты видишь, что я спокоенъ ... Я хочу ее видѣть и поговорить съ нею ...

ГАСТОНЪ. Прощайте, батюшка.

ГРАФЪ. Гастонъ, другъ мой! Обними меня!.. *(Они обнимаются, Гастонъ выходитъ направо).*

VIII.

ГРАФЪ, потомъ ФРЕДЕРИКЪ.

ГРАФЪ одинъ.

Нѣтъ! ты стрѣляться не будешь! Какъ!.. Чтобъ я подвергнулъ тебя опасности ... Чтобъ я видѣлъ, какъ тебя убьетъ этотъ презрѣнный!.. Нѣтъ!.. Я предупрежу тебя ... Дуэль назначена завтра, я буду съ нимъ стрѣляться сегодня-же ... Иду. *(Фредерикъ входитъ въ потаенную дверь и поспѣшно идетъ къ комнатѣ Амаліи, не замѣчая графа).*

ГРАФЪ. Это онъ!..

ФРЕДЕРИКЪ *(приподнимая занавѣсъ)*. Амалія!..

ГРАФЪ *(приблизясь и схвативъ его за руку)*. Что вы пришли здѣсь дѣлать и въ такое время?

ФРЕДЕРИКЪ *(всторону)*. Боже мой! *(Гролко)*. Развѣ вамъ не сказали, что графиня внезапно занемогла и принуждена была оставить балъ?

ГРАФЪ. А вы пришли, въ качествѣ домашняго врача, великодушно предложить ваши услуги?

ФРЕДЕРИКЪ. Точно такъ.

ГРАФЪ. Да, оно и естественно!..

ФРЕДЕРИКЪ. Да что съ вами?

ГРАФЪ. Со мною, докторъ?.. Миѣ хочется убить васъ, какъ мошенника ... Миѣ хочется раздробить вамъ черепъ ... Вотъ этимъ ... (*Приставляетъ ему ко лбу дуло пистолета*). Что ... поблѣднѣлъ негодяй!..

ФРЕДЕРИКЪ (*упираясь о диванъ*). Графъ!

ГРАФЪ (*топнымъ голосомъ*). Тише, сударь, тише!.. Если, я васъ еще не застрѣлилъ, такъ это потому только, что при всей вашей подлости, удостоиваю васъ права защищаться; но прежде всего, хочу сказать вамъ, до какой степени я васъ презираю и ненавижу ... Вы допустили меня подозрѣвать Гастона, вы внесли стыдъ въ домъ мой ... Давно-ли вы пожимали мою руку; а теперь подкрались сюда, какъ разбойникъ, чтобы похитить у меня честь ...

ФРЕДЕРИКЪ. Вы можете убить меня, но не оскорблять.

ГРАФЪ. Вы уже давно лежали-бы у моихъ ногъ, если-бы моему мщенію достаточно было вашей смерти; теперь я высказалъ вамъ все, что было нужно ... я не хочу, чтобъ вы стрѣлялись съ Гастономъ. Ступайте и дождайтесь меня у себя, черезъ часъ я приду за вами.

ФРЕДЕРИКЪ. Черезъ часъ!

ГРАФЪ. Предупреждаю васъ, что Гастону неизвѣстно мое намѣреніе и надѣюсь, что вы ему не скажете ни слова.

ФРЕДЕРИКЪ. Довольно, графъ.

ГРАФЪ. Идите ...

ФРЕДЕРИКЪ (*увидѣвъ Амалію, которая входитъ съ Юліей изъ правой двери*). Амалія.

ГРАФЪ. Идите вонъ, сударь, идите ...

ФРЕДЕРИКЪ (*выходитъ бросивъ взглядъ на Амалію*).

IX.

ГРАФЪ, АМАЛІЯ, ЮЛІЯ.

ГРАФЪ (*идетъ на встрѣчу Амаліи*). Ну, кажется, праздникъ кончился и вы простились съ вашими гостями; я ждалъ васъ ...

АМАЛІЯ. Вы меня ждали?

ГРАФЪ. Разумѣется ... Развѣ я не привыкъ прощаться съ вами

всякой вечеръ ... *(беретъ ее за руку и цѣлуетъ въ лобъ)*. Спокойной ночи, Амалія, до завтра.

АМАЛІЯ. До завтра ... *(всторону)* завтра!..

ЮЛІЯ. Прощайте, графиня; послѣднія ваши слова нѣсколько меня обнадежили ... но мнѣ все кажется, что надъ нами готово разразиться какое-то несчастье. Я буду молиться Богу, чтобъ Онъ помиловалъ!..

АМАЛІЯ. Иди, душа моя, да услышитъ Богъ твои молитвы! . *(цѣлуетъ ее и направляетъ шаги къ своей спальнѣ)*.

ГРАФЪ (Амаліи). До завтра.

АМАЛІЯ. До завтра! *(уходитъ)*.

X.

ГРАФЪ, ЮЛІЯ, потомъ РОЗА.

ЮЛІЯ. Прощайте, графъ!..

ГРАФЪ. Доброй ночи!.. Ахъ! Юлія, одно слово ... простились-ли вы съ братомъ?

ЮЛІЯ. Нѣтъ, графъ; онъ ушелъ, не сказавъ мнѣ ни слова.

ГРАФЪ. Ему надо васъ видѣть ... сходите къ нему, Роза проводитъ васъ *(звонитъ)*.

ЮЛІЯ. Такъ поздно!

ГРАФЪ (Розѣ). Роза проводи Юлію до дверей г. Берне ... Доброй ночи, Юлія! *(идетъ, чтобъ поцѣловать ее и останавливается)* Что-бы ни случилось, вы во мнѣ всегда найдете отца.

ЮЛІЯ. Боже мой! что это значитъ? *(выходитъ съ Розой)*.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Отдаленная часть парка. Открытая бесѣдка съ дверью въ сторонѣ; въ бесѣдкѣ два стула и столъ. Близъ бесѣдки столъ. Ночь.

I.

При поднятіи занавѣса, слышны звуки веселой музыки. Крестьяне возвращаются изъ замка домой. За ними идутъ **ФРЕДЕРИКЪ**, **АНАТОЛЬ** и **Г-ЖА ВАЛОРИ**.

ДЕ-ВАЛОРИ. Ну, любезный Фредерикъ, вы теперь дома, прощайте.

АНАТОЛЬ. А! такъ вотъ ваша бесѣдка! Да здѣсь очень мило, совершенная, тишина, полное уединеніе ... да это гнѣздышко, созданное для поэта ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Безъ птички.

АНАТОЛЬ. Кстати, я все еще люблю вашу сестрицу, подумайте объ этомъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Полноте, cousin, теперь не время говорить о любви!..

АНАТОЛЬ. Напротивъ, теперь-то и время ... при лунномъ свѣтѣ.

ДЕ-ВАЛОРИ. При лунномъ свѣтѣ надо ложиться спать.

АНАТОЛЬ. Подождите.

ДЕ-ВАЛОРИ. Чего-же?

АНАТОЛЬ. Не мѣшайте ... мнѣ пришла ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Мысль?... быть не можетъ ...

АНАТОЛЬ. Тише ... слушайте.

«Вотъ луна сквозь вѣтви

«Бросила съ небесъ ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Любопытно, что луна бросила съ небесъ?

АНАТОЛЬ. Сегодня, я чувствую въ себѣ призваніе къ поэзій, и скажу вамъ остальное дорогой.

ДЕ-ВАЛОРИ. Съ удовольствіемъ ... въ моей каретѣ такъ ловко спать.

АНАТОЛЬ (*кланяясь Фредерику*). Любезнѣйшій докторъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Что вамъ угодно?

ДЕ-ВАЛОРИ. Желаю вамъ доброй ночи. (*Фредерикъ подходит къ бесѣдкѣ*).

АНАТОЛЬ (*возвращаясь*). Кстати, завтра я пришлю вамъ мою статуэтку.

(*Г-жа Валори беретъ Анатоля подъ руку и уводитъ.*)

II.

ФРЕДЕРИКЪ, ГАСТОНЪ. Гастонъ входитъ съ правой стороны.

ГАСТОНЪ (*Фредерику*). Извините, милостивый государь, что безпокою васъ въ это позднее время; мнѣ необходимо переговорить съ вами ... графъ все знаетъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Такъ что-же?

ГАСТОНЪ. Боюсь, чтобъ онъ не вызвалъ васъ на дуэль ... не забудьте, что вы прежде всего должны со мною стрѣляться.

ФРЕДЕРИКЪ. Помню!

ГАСТОНЪ. Прошу васъ дать мнѣ слово, что вы не будете стрѣляться съ графомъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Хорошо, даю вамъ это слово ...

ГАСТОНЪ. И такъ, до завтра.

ФРЕДЕРИКЪ. Я васъ буду ждать (*входитъ въ бесѣдку и скрывается въ другой ея комнать*).

III.

ГАСТОНЪ, ЮЛІА, РОЗА.

ГАСТОНЪ. Кто тамъ? Юлія?

ЮЛІА. Это вы, Гастонъ? — откуда?

ГАСТОНЪ. Сію-минуту провожалъ г-жу Валори и возвращаюсь въ замокъ; а вы куда?

ЮЛІА. Къ брату ... графъ сказалъ, что ему нужно меня видѣть.

ГАСТОНЪ. А! хорошо ... Прощайте, Юлія!

ЮЛІЯ. Доброй ночи, Гастонъ. (*Выходитъ направо*).

IV.

ЮЛІЯ, РОЗА, ФРЕДЕРИКЪ.

ЮЛІЯ. Фредерикъ вѣрно еще не легъ спать, Роза? (*стучится въ дверь. Въ продолженіе слѣдующей сцены, Роза прохаживается въ глубинѣ, Фредерикъ выходитъ со свѣчкой и ставитъ ее на столъ*). Кто тутъ? (*отворяетъ; Роза входитъ въ бесѣдку*). Мнѣ хотѣлось обнять тебя (*цѣлуетъ Юлію и сажаетъ*). Зачѣмъ пришла ты такъ поздно?

ЮЛІЯ. Меня послалъ къ тебѣ графъ.

ФРЕДЕРИКЪ. А!..

ЮЛІЯ. Фредерикъ, знаешь-ли ... мнѣ что-то страшно... Что здѣсь дѣлается?

ФРЕДЕРИКЪ (*садясь*). Ничего, моя милая, успокойся!.. Можетъ быть, мнѣ придется ѣхать ... поэтому я хотѣлъ тебя видѣть ... очень радъ, что графъ тебя прислалъ.

ЮЛІЯ. Ѣхать ... зачѣмъ-же это?

ФРЕДЕРИКЪ. Есть дѣло, котораго я не могу тебѣ объяснить.

ЮЛІЯ. А на долго ты уѣдешь?

ФРЕДЕРИКЪ. Самъ не знаю; какъ случится...

ЮЛІЯ. Фредерикъ, зачѣмъ ты оставляешь меня?

ФРЕДЕРИКЪ. Что дѣлать, необходимо.

ЮЛІЯ. Какъ я несчастлива!.. Я любила только Гастона и тебя, и вдругъ лишуюсь васъ обонхъ. Что-нибудь да есть ... Я увѣрена, что Гастонъ отказывается отъ меня, ты ѣдешь ... что это значитъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Не плачь, сестра, Гастонъ опять возвратится къ тебѣ, будь увѣрена.

ЮЛІЯ. Я его такъ любила!

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону, вставая*). Боже мой! какое мученіе ...

ЮЛІЯ. Что съ тобою?

ФРЕДЕРИКЪ. Ничего! Ты меня очень любишь, Юлія?

ЮЛІЯ. Очень.

ФРЕДЕРИКЪ. Ты всегда будешь меня любить?

ЮЛІА. Всегда!

ФРЕДЕРИКЪ. Иди-же, мой другъ, Господь съ тобою!.. (*Юліа выходитъ изъ бесѣдки, Фредерикъ провожаетъ ее*) Кстати, помолись за меня ... твои молитвы дойдутъ до Бога...

ЮЛІА. Но я еще увижу тебя завтра; вѣдь ты не въ ночь поѣдешь?

ФРЕДЕРИКЪ. Не знаю.

ЮЛІА. Неужели такъ скоро?

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойся. Я тебѣ сказала, что это необходимо ... до свиданія!

ЮЛІА. А ты далеко ѣдешь?

ФРЕДЕРИКЪ. Далекo.

ЮЛІА. Какое несчастье!.. Прощай, Фредерикъ!..

ФРЕДЕРИКЪ. Прощай Юліа ... прощай милая сестра ... безцѣнный другъ мой ... дай мнѣ обнять тебя ... долго ... долго ... иди ... иди!.. (*Юліа посылаетъ ему послѣдній прощальный поцѣлуй и уходитъ съ Розой*).

V.

ФРЕДЕРИКЪ одинъ.

Все кончено! я видѣлъ ее въ послѣдній разъ!.. нѣтъ болѣе надежды ... прощай моя жизнь ... Теперь буду ждать графа!.. Какая темнота! . На небѣ нѣтъ ни одной звѣздочки ... (*садится и погружается въ раздумье*). Мнѣ холодно ... ужъ не боюсь-ли я?.. Нѣтъ ... я дерусь на смерть ... а сколько разъ гладѣлъ я ей въ глаза не блѣднѣя! Раньше-ли, позже-ли, все надобно обратиться въ прахъ. (*встаетъ*). Я далъ слово Гастону не стрѣляться съ графомъ ... пусть-же онъ убьетъ меня (*опять садится*). Но какой несчастный случай открылъ графу нашу тайну? Всему конецъ! мнѣ даже не удастся привести дѣла мои въ порядокъ ... а на это мнѣ нужно-бы недѣли двѣ ... не болѣе. Нѣтъ! жребій брошенъ!.. Напишу Амаліи (*идетъ къ бесѣдкѣ и ногою ищетъ порога*). Странно! теперь я полонъ жизни—и черезъ нѣсколько минутъ все, все исчезнетъ (*пробуя себѣ пульсъ*). Пульсъ покоенъ!.. (*возвращается въ свою комнату*).

VI.

ФРЕДЕРИКЪ, въ бесѣдкѣ, **ГРАФЪ**, **АНТОНЪ**. Фредерикъ садится и пишетъ. Графъ и Антонъ входятъ съ правой стороны.

ГРАФЪ. Пистолеты съ тобою?

АНТОНЪ. Со мною.

ГРАФЪ. Ты меня понялъ, Антонъ: если меня убьютъ, ты ни кому ни слова не скажешь.

АНТОНЪ. Ни слова.

ГРАФЪ. Онъ у себя ... хорошо (*стучится въ дверь*). Г. Берне.

ФРЕДЕРИКЪ (*отворяя дверь*). Сейчасъ я къ вашимъ услугамъ.

ГРАФЪ. Вы пишете, хорошо ... я подожду...

ФРЕДЕРИКЪ. Только двѣ минуты (*продолжаетъ писать*).

ГРАФЪ (*всторону*). Я увѣренъ, что онъ пишетъ къ ней ... представляетъ себя несчастною жертвой, а меня палачемъ ... бездѣльникомъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Я готовъ, графъ. (*выходитъ изъ бесѣдки со свѣчей*). Здѣсь очень темно ... не прикажете-ли поставить свѣчку?

ГРАФЪ. Какъ угодно. (*Фредерикъ ставитъ свѣчку на столъ въ бесѣдкѣ*) Но чтобъ она не понадобилась, я предлагаю вамъ ... зарядить одинъ изъ двухъ пистолетовъ и стрѣлять обонимъ другъ, въ упоръ.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ, графъ!..

ГРАФЪ. Что, вы боитесь что-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Нисколько, я не о себѣ хлопочу.

ГРАФЪ. Избавьте меня отъ вашего великодушія... Еще слово. Я въ отчаяніи буду, если имя графини де-Верьеръ будетъ замѣшано въ этой исторіи... Кажется, и вамъ это не совсемъ будетъ пріятно ... Сдѣлаемъ такъ, чтобъ свѣтъ у зналъ только то, что мы сами захотимъ открыть ему.

ФРЕДЕРИКЪ. А графиня?..

ГРАФЪ. Послушайте, вы мнѣ такъ жалки, что я и это скажу вамъ. Графиня ничего не узнаетъ; вотъ что я написалъ «Гастонъ! жизнь мнѣ въ тягость, расстаюсь съ нею безъ сожалѣнія... Сохрани память о твоёмъ отцѣ ... прощай.» Если я умру, то эту записку найдутъ у меня въ карманѣ. Я-бы желалъ, чтобъ и вы то-же самое сдѣлали.

ФРЕДЕРИКЪ. Согласенъ...

ГРАФЪ. Но письмо, которое вы сейчасъ написали...

ФРЕДЕРИКЪ. Въ этомъ письмѣ и помину нѣтъ о дуэли.

ГРАФЪ. Хорошо ... такъ пишите (*Фредерикъ беретъ свой бумажникъ и располагается написать нѣсколько словъ карандашомъ, графъ прерываетъ его*). Позвольте мнѣ продиктовать вамъ нѣсколько словъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ вамъ угодно.

ГРАФЪ. «Не обвиняйте никого въ моей смерти; я добровольно расстаюсь съ жизнью и поручаю сестру мою вѣрной и испытанной дружбѣ графа де-Верьера.»

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ, графъ!

ГРАФЪ. Пишите.

ФРЕДЕРИКЪ (всторону). И я не смѣю пожать ему руки.

ГРАФЪ. Готово?

ФРЕДЕРИКЪ. Готово!

ГРАФЪ. Хорошо, теперь Антонъ заряди одинъ пистолетъ. Потрудитесь взглянуть... Эти пистолеты я также мало знаю, какъ вы.

ФРЕДЕРИКЪ (дѣлаетъ знакъ согласія). Вѣтеръ загаситъ свѣчку ... такъ и есть... (*Свѣча гаснетъ*).

ГРАФЪ. Она бесполезна. Вотъ платокъ, вы будете держаться за одинъ конецъ, я за другой. Антонъ ... пистолеты.

ГРАФЪ. Вотъ они.

ГРАФЪ. Выбирайте. (*Фредерикъ беретъ пистолетъ, графъ беретъ другой; каждый изъ нихъ держится за конецъ платка*).

ФРЕДЕРИКЪ. Простите меня, графъ?

ГРАФЪ. Нѣтъ, сударь... Подай намъ знакъ, Антонъ! (*Антонъ ударяетъ три раза въ ладоши, оба противника спускаютъ курки, графъ выстрѣлилъ, капсюлька лопнула*). Ваша очередь, стрѣляйте.

(*Фредерикъ выпускаетъ конецъ платка, оборачиваетъ.*

дуло пистолета къ своей груди, спускаетъ курокъ, и падаетъ).

ГРАФЪ. Что вы сдѣлали?

ФРЕДЕРИКЪ. А теперь, простите-ли вы меня, графъ?

ГРАФЪ. Фредерикъ!.. Онъ умеръ!.. я исполнилъ свой долгъ. Такъ-ли, Антонъ?

АНТОНЪ. Исполнили, ваше сіятельство.

ГРАФЪ. Я велъ себя, какъ честный человѣкъ?

АНТОНЪ. Какъ честный человѣкъ, ваше сіятельство.

ГРАФЪ. Пойдемъ-же, и ни кому ни слова! Да что это такое?.. тамъ слышенъ шумъ. (*Изъ-за кулисъ слышенъ голосъ. Сюда, сюда! здѣсь!..*) Спрячься за эти деревья... (*Графъ и Антонъ исчезаютъ; голоса приближаются, наконецъ Гастонъ бросается на сцену, за нимъ слуги съ факелами и наконецъ Амалія и Юлія*).

VII.

ФРЕДЕРИКЪ, ГАСТОНЪ, АМАЛІЯ, ЮЛІЯ, слуги, потомъ ГРАФЪ и АНТОНЪ.

ГАСТОНЪ (*бросается къ трупу Фредерика*). Фредерикъ! убить!..

АМАЛІЯ. Боже!

ЮЛІЯ. Мой братъ! (*падаетъ на колѣни возль Фредерика. Графъ и Антонъ показываются*).

ГРАФЪ. Г. Берне! (*Гастонъ пристально смотритъ на отца*).

АНТОНЪ (*наклонясь къ трупу*). Сердце не бьется!. а!.. Что же это за бумага у него въ рукѣ?

ГРАФЪ. Бумага! Подай сюда! (*Читаетъ*).

«Не обвиняйте никого въ моей смерти: я добровольно расстаюсь съ жизнію и поручаю сестру мою вѣрной и испытанной дружбѣ графа де-Верьера.»

«Фредерикъ Берне.»

ЮЛІЯ. Ахъ, Графъ! (*Бросается къ его рукѣ*).

ГРАФЪ (*отнимаетъ руку*). Что вы! Гастонъ, поддержи ее!.. Амалія, вы ей будете матерью... Не такъ-ли?

АМАЛІЯ. О, клянусь ...

ГРАФЪ. Подозрѣвали-ли вы когда-нибудь, что могло довести Фредерика до этого поступка?

АМАЛІЯ. Нѣтъ, не могу ничего придумать!.. (*Всторону*). Онъ ничего не знаетъ ... (*Подходятъ слуги, чтобъ убрать трупъ Фредерика; занавѣсъ опускается*).